

Лесная ведунья

Книга вторая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

16+

Елена Звездная

Лесная ведунья. Книга вторая

«Автор»

2020

Звездная Е.

Лесная ведунья. Книга вторая / Е. Звездная — «Автор», 2020

Аспид ведет созванное войско в Гиблый Яр, Агнехран смыкает кольцо вокруг леса... А Веся узнает страшную правду о гибели лесных ведуний. Кто друг, кто враг, от кого ждать удара в спину?

© Звездная Е., 2020

© Автор, 2020

Елена Звездная

Лесная ведунья. Книга вторая

Поутру меня разбудил стук, словно топором по бревнам. И почему-то от этого улыбка появилась сама собой, а в голове промелькнуло радостное: «Охранябушка!» Даже собиралась было вскочить с постели, подбежать к окну да и поглядеть на него... а потом вспомнила – нет больше охранябушки. Нет его... Есть архимаг, да такой рядом с коим и стоять то страшно, а охранябушки больше нет... И так тоскливо от этого, что хоть вой.

Надо же, только сейчас поняла, как привязалась к нему. И от чего так случилось, мне не ведомо. Да только, ощущение на душе гадкое, и чувство такое, что охранябушка, вот он был реальным, настоящим, живым... а архимаг Агнехран его убил и личность его своей заменил. Такое вот ощущение. Глупое, разумом понимаю, а сердцем и душой понять сложно.

Сердцем и душой вообще все происходящее понять сложно.

Жила себе привольно почти три года, да тяжело было по началу, но справилась ведь, и жила себе. По субботним дням на ярмарки ходила, лес свой в порядок приводила... на могилку Кевина старалась не заходить... И оживала, оживала ведь, понемногу, по чуть-чуть, но оживала...

А теперь рухнуло все.

Мы на грани войны, которую я же и развязала. Понимаю, что верно поступила, все понимаю... а страшно мне. Я ж почитай с детства малого всегда как на войне жила. Да даже с рождения... Тяжело, но свыклась, научилась так жить, от того в учении у Славастены и сумела себя отстоять, выжить... вопреки всему выжить. А теперь вот снова.

Ну да кому война, а кому мать родна. Так значит так. Будем выживать дальше.

И я встала с постели.

Потянулась, умылась, причесалась, поблагодарила домового, за чай с бутербродом, присела к окну, завтракать, да и... чуть не подавилась.

Топором орудовал аспид!

Черный, в шелковой ярко-синей рубашке, черных штанах замшевых, с черными сапогами до колена, он, закатав рукава, мастерил дверь в мой вчерась построенный погреб. И хорошо у него получалось, славно даже. Все было славно до того, как аспид отошел от свежесколоченной дверцы, протянул руку и дерево охватило пламенем. Секунд на пять! Опосля пламя погасло, но на этом испытание для двери не закончилось.

Прозвучало заклинание – и железо, ржавое, неведомо откуда взявшееся и валяющееся грудой, потянулось расплавленным алым ручейком к дереву, вмиг пленкой железа охватило древесину, и остыло тут же.

Леший, пара вампиров, несколько оборотней да мои кот с вороном сидели-стояли с отвисшими челюстями-клювами. Аспиду повышенное внимание не мешало ничуть. Закончив с одной дверцей, он за вторую взялся.

Надо же, какой хозяйственный.

Интересно, они, аспиды, все такие хозяйственные? Хотя вопрос глупый, были бы все, так не вымерли бы...

Я взяла чашку, сделала глоток, посмотрела в окно.

Аспид брался за вторую дверь. Неспешно, уверенно, по-деловому, без лишних движений... И так сердце заныло вдруг. Невыносимо заныло, нестерпимо просто. Очнулась когда уже брала серебряное блюдо, когда яблочко наливное по кругу пустила, когда без ответа ждала минуту, вторую, третью... тогда и очнулась. Агнехран не отвечал. Занят видимо.

Маги они такие – всегда заняты.

Убрала яблоко, вернула блюдо на место, без аппетита совсем, без желания начала есть хлеб с сыром, а взгляд нет-нет, да и опять за окно метнется. И вот аспид же, страшный, даже с такого расстояния, даже из избы и из окна страшный, а смотришь на него и нет-нет, да проглядывает что-то до боли родное. Вот только что?

Из пола высунулся леший, на меня поглядел да и спросил:

– Поела?

Кивнула, хлеб дожевывая.

– Чего хмурая такая? – верного друга не проведешь, все видит.

– А чему радоваться? – спросила устало.

– Так у нас аспид есть, – с уверенностью в том, что раз аспид есть, то проблем нет, сообщил леший.

– Аспид есть, – согласилась я, – а о том, какой он злой будет, когда без оплаты останется, мы пока думать не будем.

– Не будем, – согласился леший.

Вылез из пола, к окну прошел, хмыкнул и сказал:

– Во, смотри, сейчас будет. Четвертое испытание проводим.

– Четвертое испытание чего? – спросила недоумевающее.

Леший молча крючковатым пальцем в окно указал.

И я увидела.

Поглядеть было на что. Аспид с делом завершив, руки мокрой тряпкой протер, отошел на пару шагов и сделал приглашающий жест вампирам. И я вдруг только сейчас заметила – что-то не так с вампирами было. Что-то явно не так. Что-то с прическами. Точно с прическами. Так то одеты франтовато, как и всегда, но бледные зело, да волосы всклокочены.

– Лешинька, – я привстала даже, старательнее вглядываясь, – а с вампирами что? От кикимор моды переняли или как?

– Или как, – хмыкнул друг верный. – Это их опосля второго эксперименту закоротило. Не рассчитал аспид силушку с раза первого то.

Повернула голову, посмотрела на лешего да и переспросила:

– Ты сказал опосля второго эксперименту?!

– Сказал, да, – леший кряхтя забрался за стол, но стул под ним пугающе закрипел, – с первого разу не повезло Гыркуле. Такое тут было, Веся, хорошо аспид полог тишины поставил на избенку, сказал тебя будить нельзя, тебе отоспаться надобно.

Глаза мои стали аки блюда.

– Да не изумляйся, аспид мужик свойский оказался, хороший такой мужик, качественный. Но Гыркуле не повезло.

– Что с Гыркулой, леший?! – я с места вскочила.

– Да особого ничего, – пожал плечами друг верный. – Далак первый шел, ему хоть бы хны, дверь открыл. А Гыркула... коротнуло там чего-сь, так орал... когда летел. Далеко улетел, к слову, меня аспид послал замеры сделать – четыреста шагов насчитал!

И гордо так сказал, прямо таки сияя.

– Леший, – я чуть не взревела, – с Гыркулой что?

– А шо ему будет-то? Вампир же, – леший повел плечом. – Домой сыновья забрали, но ниче, дней через двадцать в себя придет уже. Весь, да ты чего?

Я уже из избышки выбегала, на ходу плащ на себя накидывая и про обувь позабыв. Промчалась через двор, лишь мельком заметив, что дверь на открытие испытывают уже волкодлаки, а вампиры, с облегчением отошли от погребя, но не волновало то меня. Забыв про свой страх перед аспидом, я налетела на следившего за каждым моим движением, схватила его за шиворот, и втокнула на тропу, что открыла без клюки – рывком перекинув нас в сосновый

бор. В сосновый, потому что сил на такой перенос слишком много уходит, и, боюсь, из любой другой части леса выползть бы пришлось.

Разгневанная, испуганная, злая как тысяча анчутков, я прижала мужика к дереву, наплевав на нашу разницу в росте, габаритах и даже силе, и прошипела, сжимая ворот его рубашки:

– Ты что себе удумал, ирод?!

Ирод стоял, прижатый к голому стволу сосны и со странным выражением в змеиных глазах, взирал на меня сверху вниз. И судя по взгляду, отвечать мне аспид не собирался вовсе.

Меня же от негодования трясло, да нехило. Отпустив одежду аспида, что трещала уже в моих руках, я отшатнулась к ближайшей сосне, прижалась спиной к стволу, руки на груди сложила, да и посмотрела на аспида пристально.

Аспид профессионально делал вид, что абсолютно не в курсе причин моего гнева.

– Речь о Гыркуле, – пояснила холодно.

По лицу аспида, образно выражаясь, скользнула тень понимания, но едва ли я могла различить выражение его угольно-черного лица, показателем эмоций оставались лишь глаза – чуть сузившиеся опосля пояснения моего.

Затем, ровно и серьезно аспид произнес:

– Речь о последствиях испытания состава противонежицкой стали, не так ли?

– Противо... чего? – не сразу сообразила я.

Аспид не ответил, лишь усмехнулся... причем, ухмылку можно было заметить лишь благодаря мелькнувшим зубам. Вполне человеческим, к слову. Оттолкнулся от дерева, медленно подошел ко мне... здоровенный то какой, я уж и подзабыла об этом. Подойдя, остановился в полшаге, постоял, сложив руки на груди, и казался островком беспечного уверенного спокойствия, даже среди более чем уверенных в себе сосен. А выглядеть спокойнее сосен в двухвековом сосновом бору это еще постараться надо. Невольно почему-то зауважала аспида, даже не знаю почему. Но потом вспомнила про Гыркулу, и праведный гнев вернулся в полном объеме!

– Послушай... те, – прошипела, искренне желая наградить аспида парой сотен комариных отрядов. Не то, чтобы они меня всегда слушались, но в исключительных случаях – бывало. – Мне плевать, чем вы попытаетесь оправдаться! Мне совершенно плевать – какие были у вас мотивы! И мне не важно, есть у меня доказательства или нет! Я абсолютно точно знаю, что вред графу вы причинили намеренно!

Глаза аспида сузились еще сильнее, казалось, он желал возразить, но отбросив небрежно эту идею, вдруг абсолютно спокойно сказал:

– Что ж, раз отрицать очевидное не имеет смысла, я вынужден признать – вы правы. Впрочем, об этом вам, госпожа ведьма, известно.

У меня появилось безумное желание ему врезать пощечину. Неимоверно сильное желание... одна маленькая проблема – я понятия не имела, какой аспид на ощупь. Не всем же можно без оглядки лещей раздавать, вот лещему, к примеру, нельзя, он деревянный с сучками и прочими древесными прелестями, так что если что и пострадает, то это рука и гордость посягнувшего. Поэтому посягать на лицо аспида без проверки я не рискнула.

Решено было проверить.

Молча протянула руку – аспид даже не шевельнулся, коснулась пальцами его щеки – на ощупь матовая угольно-черная чешуя казалась вполне мягкой, а вот глаза исследуемого индивида заметно округлились, недоуменно взирая на неадекватную реакцию разъяренной ведьмы.

– Это что? – спросил он, когда я уже прижала всю ладонь к его щеке.

– Это? – спросила, прикидывая, будет мне больно от удара или не будет. – Исследование.

– И как? – поинтересовался испытуемый.

– Удовлетворительно, – заверила, прекратив лапать его лицо. – Перейдем к удовлетворению!

Пощечина вышла звонкой, такой, что на весь бор звук разнесся, да вот только следом почти на весь лес уже мой вой.

Не знаю как аспид, он стоял все так же непоколебимой скалой, правда уже вновь с угрожающе сузившимися глазами, а я подвывала, держа свою руку. Вроде же мягкий был!

– Удовлетворилась? – наблюдая за моими мучениями, спросил ирод.

Я бы ответила, но больно было очень.

– Знал бы что так ударишься, перехватил бы ладонь, – сокрушенно произнес гад чешуйчатый, и схватил мою руку, несмотря на попытку спрятать ее за спину.

А затем, пользуясь тем, что я в попытке не орать, отчаянно кусая губы, прикоснулся к стиснутой пальцами ладони второй рукой – боль исчезла мгновенно.

Так же быстро, аспид отпустил меня. И даже учтиво отошел на шаг, оставляя оторопевшую ведьму мучительно переживать свой позор. Переживала я недолго. Хотя и было стыдно.

Снова руки на груди сложила непримиримо, вперилась взглядом недобрым в аспид, и серьезно сказала:

– Так у нас с тобой ничего не выйдет, аспид.

Аспид промолчал.

Я же продолжила мрачно и решительно:

– Все кто на пиру по-ночи был, под моей защитой находятся. Все. Война то война, всякое случиться может, но на территории моего Заповедного леса за порядок отвечаю я. Ты не Гыркуле вред причинил считай, а мне!

Аспид слушал, но никоим образом не выражал желания высказаться по поводу своего поведения. А лучше бы сказал хоть что-нибудь. Досадливо поджав искусанные губы, молча смотрела на аспид. Аспид молчал. Я смотрела. Он молчал. Комары прилетели сами, три сотни, не меньше, зависли над аспидом и по сторонам от него и... жужжали. Мы молчим, комары звенят, сосны колышутся, а аспид это все вообще не колышет.

Что ж, мне говорить пришлось.

– Я тебя в лес пустила, потому что не было в тебе ни злобы, ни стремления вред чинить. Но дня не прошло, а ты едва Гыркулу не убил. Как доверять тебе теперь, аспид?

Ответом мне была тишина. Только теперь другая – напряженная и мрачная. До того мрачная, что комары, явившиеся чуть ли не по собственному желанию, подумали да и свалили, не желая поддержать меня в моей печальной участи.

Остались аспид, сосны и я.

Сосны, я и аспид.

Аспид, я и сосны.

– Аедан, – вдруг нарушил тишину мрачно молчавший.

Смутное узнавание древнего языка промелькнуло где-то там, на задворках моей памяти. На задворках было много чего, и вспоминаться все это не слишком любило, а потому споро вытолкнуло явно сопротивляющееся знание, и я с сомнением произнесла перевод слова:

– Огонь что ли?!

– Мое имя, – пояснил аспид.

Мы помолчали.

Я несколько в смущении и даже чуть-чуть в приступе стыда, аспид явно в размышлениях. Итогом его раздумий стало неожиданное:

– Если я дам клятву, что не причиню более вреда никому из твоей нечисти, дело с Гыркулой мы забудем?

Я смотрела на аспид молча и враждебно. «Дам клятву и дело забудем»? Звучит складно, очень складно, да только веры нет. Передо мной стоял главный козырь в битве с нежитью, наводнившей Гиблый яр. И битва предстояла суровая, это я уже поняла, по той страшной ночи я многое поняла, но вот аспид... Много жизней он спасти может, а сколько отнять? Спасти

ведь и я смогу, осторожностью, хитростью, смекалкой своей. Я смогу, я знаю. Так нужен ли мне аспид?

– Пощечину зачем дала? – спросил вдруг аспид.

Я отвернулась, вдаль поглядела.

– Не отвечай, сам знаю, – усмехнулся он. – Испытывала ты меня, да, ведьма?

Взглянула на него недобро. Испытывала, да. И если бы вспылит, проявив характер, в ту же секунду бы из лесу вышвырнула, но он сдержался. Даже меня умудрился пожалеть и исцелить. Стало быть испытание прошел, вот только... Гырнула два месяца встать не сумеет, а это для вампира означает тяжкие, весьма тяжкие телесные повреждения.

– Испытывала. И испытание ты прошел, – сказала честно, увилить не стала, и посмотрела на аспидов прямо, взгляда не пряча. – Да только в том проблема, аспидушка, что зла я в тебе и вчера не увидела, а уже сегодня ты мне вампира покалечил. Но вот я гляжу, а зла в тебе нет все так же. Вот только у меня уже нет доверия! Что делать будем, господин Аедан?

Аспид стоял, молча, угрюмо глядя на меня. Размышлял видимо.

Сделаем так, – не дожидаясь пока доразмышляет, сказала я, – ты назовешь мне причину, по которой Гырнула покалечил. Настоящую причину. И учти – я ведьма, коли солжешь я увижу.

Судя по взгляду вновь суженных глаз, аспид об этом знал. От того и говорить не спешил, то ли слова подыскивал, чтобы обойти камень правды ручейками лжи.

– Аедан, – я смотрела прямо, – я не буду тонуть в болоте лжи и недомолвок. Назови причину, или уходи из моего леса.

Он усмехнулся, сверкнули зубы кипенно-белые, плавный шаг ко мне сделал аспид, и нависнув надо мной громадой своей, тихо произнес:

– Исполнее.

Что?!

Выражение моего лица видимо отразило весь испытываемый шок, потому как нависать аспид перестал, скривился досадливо, на мою недогадливость сетуя, головой покачал укоризненно и пояснил:

– Договор с Гырнулой на исполнее. Твое, я так понимаю?

М-да.

Я стояла, молча взирая на аспидов, и не ведая – правду ему сказать, или еще раз затрепачной наградить, теперь уже не в испытательных целях, а исключительно в морально-удовлетворительных для меня. Да только тут не о себе думать надобно было – о деле что начала, о лесе, что в спасении нуждался, о мире среди моих бравых воинов. И в таком контексте, после мрачных раздумий, решено было правду сказать.

Тяжело вздохнув, пожала плечами, да и уведомила:

– Свое исполнее мне в карты проиграли сыновья графа. Два сына. Естественно ушли они в нем, я на нагие тела упыриныные смотреть не нанималась, так что за вампирами остался долг. Священный карточный долг. А вампиры терпеть не могут быть кому-то должными. Вот и все.

Выражение лица аспидов стало непередаваемым. Оно в принципе было непередаваемым, сейчас же глаза более не зауживались, они скорее слегка округлились, ну и в позе аспидов появилась некоторая растерянность, и в целом...

– Я... я... ты... – ничего более аспид произнести не смог.

Зато меня словно леший за язык дернул.

– Подводим итог – аспиды практически исчезли с континента по причине своей атипичной агрессии при любом упоминании ведьминских труселей. Жаль, я больше не ведьма, а то знаешь ли, господин Аедан, хорошее научное исследование вышло бы. А впрочем...

Тут я вспомнила про договор с Лесной Силушкой. Она меня пожалела, узрев в виде полуживом, но как оклемаюсь... Может Гиблым яром откупиться получится?

– Впрочем? – подтолкнул меня к продолжению аспид.

М-да, мне он больше нравился пребывающим в шоке. Поспокойнее как-то было на душе. А теперь вот опять – в глаза в упор глядит пристально, вид опасный, взгляд пронизательный.

– Впрочем, это неважно, – я обессилена прижалась к стволу сосны, с каждым вдохом втягивая в себя силу соснового бора. – Дай мне клятву.

Хмыкнув, аспид спросил:

– Что не буду впредь твоих воинов калечить?

Хм.

– Тогда две клятвы, – улыбнулась я.

– Дважды поклясться, что не буду твоих воинов калечить? – уже несколько издевательски поинтересовался Аедан.

Одарив его скептическим взглядом, уточнила:

– Один раз поклянись в том, что разговор про исподнее останется между нами. Это чести. Не сказала бы тебе ни слова, но ты раз уж пришлось, клятву дашь о неразглашении. Второй – что излечишь Гыркулу. Если уж меня сумел, да так споро, значит и с вампиром управишься. А клясться в том, что никому из воинов моих вред не причинишь – не стоит. Потому как если причинишь... – договаривать я не стала.

Аспид не стал спрашивать.

Несколько секунд он смотрел на меня неуловимо потемневшим взглядом, затем поклонился, развернулся и ушел. Сам. Ногами. Я вслед смотрела, пока не скрылся за стройными соснами, после сползла наземь. И сидя под деревом, просто дышала, успокаиваясь и восстанавливаясь.

А потом началось!

Сначала прибежали зайцы – и долго, во всех выражениях и жестах ругали злыдней, ауков и анчуток. Призрачная нечисть, как оказалось, прямо вот с утра по раньше, как только пир закончился, принялась отрабатывать навыки запугивания... на волках.

Волчья стаи в известность леший поставил, стало быть, тренировку разрешил, но не только волки в лесу обитают, имелись и непредупрежденные о тренировочно-боевых действиях. Так с перепугу зайцы ломанулись прочь, а птицы вообще улетели гнезда побросав.

Когда умчались с трудом успокоенные зайцы, заявили волки. Серые были очень довольны происходящим, а ко мне явились исключительно с одной целью – спросить, где аспид, потому как им требовалось доложить об успешном проведении операции.

Молча указала направление, куда сей деятель ушел.

Потом заявили кабаны. Спросили где аспид...

Молча указала направление, по которому уже умчались волки.

Потом пришли олени... Спросили где аспид!

Потом прилетели злыдни...

После ауки...

Анчутки...

Бадзулы...

Менялась нечисть, но не менялся вопрос!

Потом прибежали русалки, поинтересовались, а чего господин аспидушка на обед изво-лит?

Когда пришел леший, я потрясенно спросила:

– Что происходит?

Леший пожал могучими плечами и спросил:

– Весь, а где аспид?

Молча и выразительно подняла с земли шишку, взвесила будущий метательный снаряд на ладони... леший сходу все понял. Отступил, руки подняв в жесте защитном, и оправдаться попытался:

– Так он же главнокомандующий, к нему с отчетом о проделанном идти и следует и...
Шишка в лешего не полетела, шишка осталась в моих руках, вместе с одним единственным вопросом «Где эта тварь, которая аспид?!».

– Тропу заповедную к избушке открой, – попросила я лешего.

– Тебя водяной видеть хотел, – с каким-то странным сомнением на меня взирая, сообщил верный друг.

Водя ждал у заводи.

Ничуть не удивился, когда вместо того, чтобы сесть рядом с ним у берега, я сбросила плащ и отправилась в студеную воду. Самое то было для меня сейчас. Подуспокоившись, вышла на берег, закуталась в плащ, пряча мокрую облепившую меня ткань сорочки, плюхнулась на траву рядом с водяным и выдохнула:

– Ну и... дела.

– Да уж, – поддержал мое потрясенное негодование водяной.

Мы помолчали, глядя на умиротворяюще спокойную воду. Посидели. Помолчали.

– Весь, – вдруг произнес водяной, – я, что сказать хотел, если ради меня это все, то... не стоит, Весь, правда не стоит.

Глянула на него хмуро, и даже отвечать не стала.

– Весь, мои русалки вчера по ночи двух лесных хозяек видели. Двух, Весь. Ни в одной жизни не было, а все ж стояли, да переговаривались. Как понимать это? Как принять? Как...

– Да просто все, Водя, – я рукой воды коснулась, от пальцев круги во все стороны побежали. – Началось с безразличия. При безразличии всеобщем продолжилось. Сам посуди – тебе за столько то лет, до Гиблого яра дело было?

– Нет, – тихо признался водяной.

– Вот и мне дела никакого не было, Водя. Я своим горем упивалась, по сторонам смотреть было некогда. Потом с лесом кое-как справляться начала, потом раба вот... спасти пыталась. А то, что в Гиблом яру дела темные творятся, я же только тогда, в ту ночь, когда за магом ринулась, и осознала. До того – не было мне дела, понимаешь? Никому дела не было, вот и... расхлебываем.

Промолчал водяной.

Ладонь к воде протянул, и поднялся из заводи цветок кристально-прозрачный, расцвел, лепестки ронять начал... красиво.

– Дальше что будет? – спросил Водя.

– Что-то точно будет, – я плечами пожала. – Вопрос лишь в том – что именно. А больше всего то тревожит, Водя, что мне теперь из лесу моего шагу не ступить, потому что... на мне все держится, и свою жизнь мне беречь придется всеми силами.

Усмехнулся водяной и тихо заметил:

– Вот и я в той же шкуре.

То мне было ведомо.

Посидели еще на берегу, затем Водя спросил:

– Аспид не шибко деятельный-то?

– Напекаешь, что не так прост, как кажется? – прямо спросила.

Водяной кивнул.

– Знаю я, – водой плеснула раздраженно. – Вижу что непрост. Зла в нем не ощущаю, злобы тоже нет, да душа все равно сомнениями полна сверх меры.

И тут подала знак Ярина.

Я глаза закрыла, глазами чащи посмотрела да и увидела – стоит у кромки леса моего заповедного Ингеборг, в королевстве последний архимаг. Кончики пальцев его правой руки светятся, словно метал раскаленный в печи у кузнеца, в глазах ярость, лицо бешенством искажено,

но стоит, идти дальше не рискует. А и мало кто рискнул бы – Ярина в состоянии охраны то еще зрелище, терновые кусты под землей, словно змеи ползут, перекатываются, черные шипастые змеи, опасное зрелище. А вот Леся не скрывалась – на поляну вышла, девой частично прикрытой только, издевательски Ингеборгу оскалилась.

– Ты значит, – хрипло произнес архимаг. – Ты сына моего потомства лишила!

Чаща моя лишь плечами повела, да и улыбнулась коварнее раз в пять. И нарывается же, зараза, а главное хоть бы правду сказала – не лишала она никого и ничего, впрочем и архимаг должен был бы знать, что чаща без дозволения моего калечить права не имеет.

«Ярина», – позвала я.

И черные змеи, перекатывающиеся под землей и лишь слегка виднеющиеся на поверхности скользкими телами, вырвались на свободу ядовитыми кустами, словно пасть огромного хищника нависнув над архимагом.

– То есть вас тут две, – усмехнулся Ингеборг. – Две чащи... Ведуньи тоже две.

Из глубины леса донесся глухой рык – архимагу пора было проваливать.

– Я вернусь, – угрожающе произнес он. – Я обязательно вернусь.

Я могла бы его убить. Прямо сейчас, и на месте. Могла бы. И любая нормальная лесная ведунья поступила бы именно так – заразу нужно уничтожить сразу, но я не совсем ведунья, я еще и ведьма... Надеюсь, пожалуй не придется, но надеждам явно не суждено будет сбыться, и я об этом знала.

Открыла глаза, возвернувшись к заводу, посмотрела на водяного, тот спросил:

– Случилось чего?

– Да чаща моя... неугомонная, – вздохнула я.

– С этим спорить не буду, – хмыкнул Водя. – Так что дальше делаем?

Я уж собралась начать соловьем заливаться про план мой продуманный, про действия выверенные, но тут вспомнила зайцев, волков, нечисть, оленей... и ляпнула:

– К аспиду схожу, узнаю.

Странно посмотрел на меня Водя, угрюмо глянула в ответ я. А что еще сказать? Тут уже аспид такую деятельность бурную развел, что с ним, похоже, придется не просто считаться, а советоваться! Да деваться некуда.

Заветную тропу к избушке леший открыл, клюку-то я забыла, а самой открывать сил много уйдет.

А вот когда я к избе шагнула, то и осталась стоять, где стояла.

Во дворе у меня два действия проходило одновременно – нечисть стояла в очереди на открытие дверей в погреб, прямо по видам и стояла, по одному представителю от каждого. А за большим столом, где накануне пировали, сидели главы вампирские, волкодлакские, моровики, кикиморы и даже волки стояли, поднявшись на задние лапы и с интересом взирая на происходящее. А происходил совет. Натуральный военный совет.

Аспид стоял, черный, пугающий, сосредоточенный – настоящий генерал, не меньше, двигал на карте какие-то фигурки и что-то объяснял. Остальные внимали, поглядывая на аспида как на бога, не меньше.

Прямо глазам своим не верю!

Ладно волкодлаки да остальная нечисть, но чтобы вампиры, надменные высокомерные вампиры, слушали кого-то чуть ли не рты раскрыв, за каждым движением подобострастно следя – это уже что-то запредельное.

Подошла ближе, в плащ кутаясь.

Остановилась возле аспида, за правым плечом его, в карту вглядываясь. Меня заприметили, и Гыркула (откуда только взялся так быстро, неужто аспид уже вылечить его успел?!), спросил:

– А госпожа лесная хозяйка в операции участвует?

Участвует, конечно! Это вообще-то моя война, между прочим.

Но и не взглянув на меня, аспид холодно ответил:

– Ей нельзя, – и оглядев всех присутствующих за столом, окромя меня только, добавил: – Госпожа лесная ведунья главный приоритет в защите. Граф Гыркула, вождь Далак, моровой Морут, выделите охрану для ведуньи. Охранять денно и ночью, одну ни на миг не оставлять. Если с ее головы волосок упадет – своей головой мне ответите. Еще вопросы?

Были таковые! Много! У меня! И я даже жаждала их задать, и даже рот открыла и уж шажок решительный сделала, как аспид вдруг соблаговолил меня заметить, глянул неласково искоса, да и произнес:

– Ступай, лесная хозяйка, выпись, поешь как следует, а к ночи накидай мне списком, чего супротив нас могут сделать ведуньи лесные. По пунктам накидай.

И так захотелось мне, приласкать этого гада клюкой подскочившей как раз. Аж рука зачесалась! Аж...

– Пойду, – сказала клюку сжав, – и поем, и выплюсь, отчего ж не отдохнуть, коли такие помощники резвые выискались. Всем помощникам на зависть! Да только будь добр, аспидуш-шшшка, посторонись на мгновение.

И потеснив гада черно-матового, встала во главе стола, на карту посмотрела.

Хорошая карта была, живая, магическая. И откуда только приволок-то? Ну да не в этом суть – на карте мостки были проложены. Да не простые – а из железа зачарованного... Медленно я на погреб оглянулась, да и начала догадываться.

Аспид же мою догадку подтвердил:

– Мосты что водяной выстроит, металлом заговоренным покрою. Да состав не простой – нечисть пропустит любую, а вот нежити не поздоровится... граф Гыркула тому примером послужит наглядным.

Вот как значит?

Но на аспида поглядела мрачно, холодно... может, что угодно говорить, но Гыркуле вред причинил намеренно, хоть и осталось это для остальных лишь испытанием.

– Мосты ставим здесь, – аспид передвинул мост к устью реки, – здесь, – середина моего леса, – и здесь, – место аккурат там, где ранее башни чародейские стояли.

Я постояла, рассуждая неторопливо, опосля клюка в руке моей стала прутиком, и не касаясь карты магической, я сдвинула с нее третий мост.

– Здесь берега крутые, да река глубока, и мощи в течение столько, что водяной легко не удержит, силу истратит понапрасну, а сила та может и пригодиться.

Постояла еще, на два других моста взираючи.

– И вот этот, срединный, сдвинуть надобно вниз по течению, там подлесок растет, бор сосновый, спасительный, под удар его ставить нельзя.

Аспид выслушал молча, затем произнес:

– Повторюсь, любезная леса хозяйка, нежить на эти мосты вступить не сможет, нету угрозы лесу твоему.

Скорбно вздохнув, я клюке вид исходный вернула, от стола к погребу направилась – нечисть тут же подо двинулась место мне освобождая. Так что подошла я, руку над дверью металлом поблескивающую протянула, на аспидушку взглянула скептически, да и выпустила силу свою! И побежали, зазмеились, заструились корни лесные, сильные, быстрые, могучие. Вмиг единый, в один лишь миг – а стала железная дверь корнями покрыта, да густым слоем, внушительным, так что нежить теперь любая могла касаться ее без страха и опасений.

– Видишь ли, аспидушка, – начала я, возвращаясь к столу совещательному походкой неторопливой, – у лесной ведуньи, будь живой она, али стань нежитью, сила есть великая.

И пока стоит лес ее – она его призвать может в миг любой, особенно, если не жаждет о его сохранности позаботиться.

Подошла, голову запрокинув на асипида поглядела с вызовом, вздохнула, да и продолжила:

– Мне, чтобы метал твой покрыть, сила двух дубов потребовалась. Да не вся, лишь часть позаимствовала, так что и вреда деревьям моим не будет никакого. А пожелай я, мостов бы настроила по всей леса протяженности, не сложно это, мне не сложно, а значит и тем хозяевам лесным, что в Гиблом яре обосновались сложности не составит тоже. Да только не простая это река – водяной есть в ней, и не простой – одаренный магический. Вот и выходит – каждый мост, что поставишь ты, именно Воде неусыпно контролировать придется.

Аспид каждому моему слову внимал вдумчиво, как замолчала, кивнул, демонстрируя, что принял к сведению, а вот после взял и выставил меня дурехой полную.

– Вот от того-то и просьба к тебе была сразу озвучена, госпожа ведунья, поешь, отдохни да крепко поразмысли, чего ждать нам от противника. И списком выдай, с пунктами.

Вот же ж!

– Аспид-д-душка, – прошипела я, клюку сжимая, да желание в ход ее пустить испытывая, – ты уж прости меня, ведьму неразумную, да только видишь ли, ретивый ты сверх меры, а уж инициативный то какой, вот только... уж будь любезен, друг военный, во все свои военные планы, меня посвящать в первую очередь. Список то я составлю, то не беда, а вот не вмешайся я сейчас, и чем бы завершилось все, догадываешься?

И пододвинулись понятливо волкодлаки, место для меня освобождая, поскрипел зубами аспид, да руку выбросил в движении быстром – в одночасье вспыхнули пламенем все корни, коими дверь металлическую покрыла, опосля наградил меня взглядом мрачным гад угольно-матовый, да вновь к карте волшебной вернулся.

Исключительно из вредности, провела пальцем по клюке, импульс направляя, и в ту же секунду покрылась дверь металлическая мхом отборным, изумрудно-зеленым, толстым, свеженьким.

Наградил меня аспид взглядом недобрый, улыбнулась ласково в ответ ему, да и приготовилась внимать – совещание у нас военное, как-никак.

– Что ж, – с яростью, которую удержать в руках сумел, проговорил аспид, – значит мы сдвинем мост.

И дверь в погреб вспыхнула огнем синим, сжигая зашипевший влажный мох.

– Расположить надобно близехонько, – сказала я, поглаживая клюку, – Воденьке-то держать под контролем придется.

И тут же по раскаленной железом покрытой двери побежали споры грибочки. И пары минут не прошло, как густо заросла дверь опятами, да свеженькими, ароматными, многочисленными.

Нехорошим стал взгляд у асипида, сидела, поправляя волосы я, делая вид, что это вообще не я, это кто-то другой.

– О, грибочки! – обрадовался выглянувший из избы домовый.

И вскоре русалки с домовым радостно урожай собирали. Я сидела с видом невозмутимым. У асипида вид был тоже невозмутимее некуда. Красота, идиллия... правда это вообще-то поганки, ну да то домовый раскусил сразу, а кроме него их еще очень кикиморы уважают, так что не пропадет продукт лесной.

– Хорошо, – уж не знаю, как аспид-то еще не вспылит-то, – два моста расположенные рядом, а третий в болотах на севере. Да только, ведаю я, что потерпела ты поражение там, госпожа хозяйка лесная. Так стоит ли вновь соваться туда, где враг с азартом поджидает?

Хороший вопрос.

– Твоя правда, – согласилась я угрюмо. – Да только тут дело такое, аспидушка, в устье реки мои владения с владениями водяного перемежаются. Места болотистые, а значит сила Воденьки велика там, но островки на болоте деревьями да кустами покрыты, следовательно и моя сила велика. От того и мост ставить там будем, разумнее это.

И снова выслушал меня аспид уважительно, обдумал сказанное, да вдруг выводы сделал странные:

– Ты уж прости, хозяйка лесная, да только в битве этой не только тебе с водяным оборону держать. Оглянись, ты войско созвала. А войско созывают не для того, чтобы лишь пировать. На войну созвала, вот воевать и будем. Ты свое дело сделала, ведунья, накормила, напоила, да плату предложила. А далее, уж не обессудь, дело наше, и как воевать, и как оборону держать.

И вспыхнули поганки на двери, заставив отскочить от них домового с русалками, скукожились, и покрылось дерево слоем метала. Да не простым – толстым, с шипами острыми да гибкими, что шевелились пошустрее корней магически растущих.

Вот как значит.

Села я поудобнее, щеку рукой подперла, да и сижу, на аспиде взираю многозначительно. Аспид мне не менее многозначительным взглядом отвечал, и вернулся к совету военному.

– Водяного помощь не потребуется, на нее и не рассчитывали, сами сдюжим.

И вернулись на место прежнее все три моста, а мне выразительно на избу указали.

Уже бегу, спотыкаюсь и падаю от расторопности. И не смотря на взгляд выразительный, осталась сидеть с готовностью созерцать дальнейшее безмятежно. А и действительно, было бы чего переживать – одним аспидом больше, одним аспидом меньше... а остальных от любой беды уберегу, коли потребуется.

Но аспид считал иначе и на меня смотрел все более выразительно.

В смысле глаза его синие все более явственно выражали желание узреть мое исчезновение, желательно в направлении избы. Я ответила взглядом спокойственным, выражая желание остаться, посидеть, и вообще здесь неплохо развлекают.

Аспидушка шумно воздух тянул, медленно выдохнул, да и смирился... Что ж ему еще оставалось то? Тут я хозяйка.

И пришлось ему к плану военному возвратиться, скрипя зубами.

А да и вернулся он, да так решительно, уверенно, с энтузиазмом непритворственным, что и не заметила, как заслушалась!

Сама я желала войны длительной, осторожной, чтобы наши не пострадали, а враг подустал, но в нежити аспид разбирался гораздо лучше меня, и на порядок лучше нечисти.

– Зараженный лес опасен для всех, в ком течет кровь. Яд может проникать через глаза, дыхание, кожу – это медленное распространение. Для обычного человека опасность представляет нахождение в тумане Гиблого яра свыше одного часа. Для магов – сутки. Для нечисти – сорок восемь часов. Ни один из вас не должен пробыть в тени пораженных деревьев более этого времени.

Аспид обвел всех пристальным взглядом, и взгляд его действовал посильнее слов – даже волкодлаки теперь дышали через раз, вампиры и вовсе сидели задумчиво, и думали явно об одном – это куда ж они вляпаться умудрились.

А аспидушка продолжил:

– Любое ранение, повреждение кожи до простой царапины – и вы отступаете.

– Дык как, с поля боя-то? – возмутился Далак.

– Молча, – ледяным тоном оборвал возмущение аспид. – Если яд проникнет под кожу, счет вашей жизни пойдет на минуты.

Все окончательно притихли.

Я так вообще с самого начала притихла, и смотрела на аспиде с нехорошим ощущением – такой за услугу явно и плату возьмет ту, что назвал... и что-то кажется мне уже, что и Лесная

Силушка не спасет. Да только я о том опосля подумаю, потому как сейчас посерьезнее вопросы появились – что делать-то? Если правду аспидушка говорит, то...

То план моих действий не меняется.

Раненные через реку пройдут, водяной с них яд смоет, а в своем лесу уже я вылечу.

Только очень мне про ограничение времени слова аспиды не понравились. Смотрю на него, всей своей ведьминской сутью ощущаю – не врет, говорит по делу, четко, не усугубляет ничего, да только... Откуда ему все то ведомо?

Откуда сам пришел я не спрашивала, да и права на то не имела – мне с ним войну воевать, а не генеалогическим древом интересоваться, но время...

Время и цифры были тем, на чем акцентировали внимание ведьмы и... маги.

И возможно я не знала бы об этом, если бы не была ученицей Славастены. Но первое, что я услышала, оказавшись перед наставницей, было: «Триста шестьдесят единиц силы. Превосходно, Валкирин, превосходно».

360...

Для того, чтобы ведьмой стать, требовалось четыре всего. Для того, чтобы в ученицы пойти – едимоментно десять выдать.

Так что когда привели меня к Славастене – обходили меня ученицы стороной, береглись, опасались... да напрасно. Восемь мне было, когда в поместье Славастены вошла, а второй раз сила проявилась лишь в пятнадцать – когда деревеньку Горичи прокляла. И сила единовременного выброса магии составила уже 500 единиц. И когда я вернулась из проклятого места, в глазах тех, кто вчера еще обижал да деревенщиной звал, поселился страх. Ведь если я одних прокляла, сохранив обиду на столько лет, значит и их проклясть могу, да так, что никто не спасет.

Про то, что не спасет никто, правда, не сразу поняли. Когда о событиях в Горичах дошел слух до самого короля, король к Славастене Ингеборга отправил, своего лучшего архимага, чтобы разобрался, ученицу ведьмы к порядку призвал, да и деревеньку спас. Ингеборг был хорошим человеком, именно человеком, а не магом, от того, первым делом он отправился не ко мне, а сразу в Горичи. Думал, разберется сразу с проблемой, а уж после и с бедовой ведьмой.

Да не вышло.

Ингеборг поражения не принял, учеников лучших призвал, да двух иных архимагов. Всю ноченьку маги формулы составляли, рассчитывали удар, взвешивали каждое слово заклинания, по утрам разом и ударили в тучи серые, да и проглянуло солнышко. Пробился сквозь мрачный небосвод луч яркий солнечный, и обрадовались маги...

Недолго радовались.

Луч то был всего один, и осветил он три могилки. Только три могилки. Посияло солнышко лишь для них до полудня, и снова за пеленой серых туч скрылось.

Так что к вечеру по мою душу не только Ингеборг заявился, но и ученики его лучшие и соратники верные.

Ох и страшно мне было идти к Славастене на ковер в тот вечер, ох и боязно, а все равно не жалела ни о чем. Умылась, косу переплела, платье заклинанием разгладила, да и пошла, деваться было некуда.

В темном кабинете наставницы тускло горели светильники по стенам, да ярко свечи на столе, и свет их был на вход направлен, так что когда вошла я, никого разглядеть не сумела, взгляд опустить пришлось.

«Ближе, Валкирин, подойди ближе!» – властным, непререкаемым тоном приказала Славастена.

И тогда я вскинула подбородок, сквозь свет, пусть и резал глаза, решительно посмотрела на Ингеборга, что за столом ведьмы-наставницы сидел, и уверенно прошла прямо, в двух шагах от стола лишь остановившись. Не понравилась архимагу моя дерзость. Маги в принципе ведьм

за дерзость недолюбливают, а тут ученица-недоросток супротив архимага, чье имя по всему континенту славилось. И потому, зла Ингеборг не скрывал, когда произнес сурово: «Вижу, о содеянном ты не жалеешь».

Не жалела. И скрывать этого не собиралась.

И тогда архимаг спросил:

«Как снять ведаешь?»

«Нет» – и это было приговором.

Молча подошла Славастена – я молча сняла с пальца кольцо ученицы, и отдала ей.

«К ведьмам отправь, на гору, – решил мою судьбу прославленный Ингеборг».

К ведьмам на гору – это значит не видать мне больше столицы, и подруг, пусть и малочисленных, тоже не видать. Не пройтись по вечерним улочкам витрины яркие рассматривая, не забежать в театр, восторженно на талант актерский взирая, и про книги можно было тоже забыть...

Но все сложилось не так.

Едва вышла я, растерянная, расстроенная в коридор темный, догнал меня не абы-кто, а сам Тиромир, восторженная мечта каждой из учениц, остановил, обошел, в глаза заглянул и сказал тихо: «Не грусти, поговорю с отцом и матерью. Твое дело правое, они это знают. Не печалься, теперь я с тобою буду, Веся».

Вот там и тогда свое сердце я ему и отдала. За то, что правой считал, за то, что утешил, что помочь решил, и что... по имени назвал. Да и он полюбил он меня. Я ведь ведьма, я видела любовь. Красивая она, искрится волшебными огоньками, сиянием зачаровывает, весной расцветает.

Так весна вступила в жизнь мою, осушила болото в душе, серое, мутное, беспросветное, расцвела всеми цветами мироздания, и стала моей отрадой.

Как же я любила...

Я с того дня для него жила. Каждый удар сердца – для него. Каждый вздох – с мыслью о нем. И полетела, душа моя полетела. Она порхала над ссорами и дрызгами среди учениц, взмывала под самые облака, когда Славастена жестоко наказывала, и по ночам, возвращалась ко мне, согревая теплом и нежностью.

Все было у нас. Он от своего отца терпел, я от его матери. Но когда удавалось вырваться, пусть и ночью глубокой, а то и под самый рассвет, во время, когда темень беспросветная на земле царит, мы встречались в саду, под огромной вишней, он обнимал меня, я прижималась к нему – и не было никого на свете счастливее нас.

Первая любовь, любовь чистая, невинная. Лишь полтора года спустя, под той вишней, что цвела непрерывно, едва весна поселилась в сердце моем, Тиромир поцеловал меня впервые. Нежный, робкий поцелуй, для меня – первый, для него... он сказал, что для него тоже как первый. Я смеялась и не верила, я все знала о нем – и про романы его с актрисами, и про то, что в среди магов нет никого красивее Тиромира, от того принцессы и те на него засматриваются, не говоря о придворных дамах, но я ведала и о том, что со дня, как Весей меня назвал, безнадежно бьются-стучатся к нему послания тех, с кем молодой маг время ранее проводил, да меня узнав – позабыл их вовсе. Я все знала, но я любила, и я знала, что он тоже любит. Когда мы полюбили друг друга, мне было пятнадцать, едва двадцать минуло ему, и как бы не было нам тяжело – счастье струилось по нашим венам, нежность жила во взглядах несмотря ни на что. Юность – пора надежд. Мы так надеялись, что все получится. Мы столько вынесли. Мы сколько сделали, чтобы быть вместе. Но лишь спустя полтора года, мы смогли позволить себе первый поцелуй... В тот вечер, добившись от матери и отца разрешения на наши отношения, Тиромир встал на одно колено предо мной, достал из кармана обруч обручальный, и тихо спросил, никого вокруг не замечая: «Ты станешь мне женой, весна моя?».

Один раз в год сады цветут... один раз в жизни, весна цветет в сердце ведьмы...

Свою весну я отдала другому.

И свой первый поцелуй ведьмы, вложив в него всю свою силу, я тоже отдала другому. Так уж распорядилась жизнь... Так решила я.

– Ударим на закате, – ворвался в мои воспоминания голос аспида. – Два отвлекающих удара здесь и здесь, и основной на болотах.

Я вздрогнула, огляделась, осознала, что как бы война на носу, не до воспоминаний мне, да и на карту поглядела. Оказалось, что в воспоминаниях я провела не мало – на карте уже имелся готовый план боя.

– На закате еще ничего, – произнес задумчиво Гыркула, – только учтите, господин Аедан, к полуночи нежить в силу входит.

Аспид кивнул, и пояснил:

– Именно поэтому, к полуночи ваши отряды должны отступить. Гиблый яр лес внушительный, быстро передвигаться способны по нему лишь умертвия лесных ведуний, да, возможно, леший, коли есть таков, от того так важно, рассредоточить врага.

– Твоя правда, – согласился вождь Далак. – Да только сподручнее было бы нас в бой взять, мои парни в бою равных не имеют.

Усмехнулся аспид, да и ответил:

– Твои парни кровь имеют алую да быструю, от того с собой лишь ту нечисть возьму, что никогда нежитью не обернется.

Моровой Морут, кивнув туманной головой, сказал:

– Господин Аедан дело говорит. Нам, моровым, яд не страшен, под власть свою возьму бадзулов и злыдней.

– Анчутки со мной, – решил граф Гыркула.

– Мне остаются ауки, – оскалился Далак.

И все почему-то посмотрели на меня. Так неуютно себя ощутила то, так непривычно. Как ученица нерадивая, что всю лекцию в облаках витала, а тут от меня все ответа ждут. Откашлялась, на карту поглядела, на аспида, что на меня взирал насмешливо, да и решила:

– Пойду список писать.

К чести присутствующих, когда я уходила никто даже не возоржал, хотя по правде признаться – были бы правы.

«Ступай, лесная хозяйка, выпишь, поешь как следует, а к ночи накидай мне списком, чего супротив нас могут сделать ведуньи лесные».

Почему-то первыми я в списке слова аспида написала. Потом долго на них глядела, пока домовой мне еду собирал, да и опосля, все к ним же возвращалась, пытаюсь сосредоточиться на деле.

А не выходило у меня, сосредоточиться-то.

Бравые воины мои уж разошлись – я клюку лешему отдала, тот их и разводил по местам для боя отведенным. С ними исчезли со двора три груды руды металлической – от своей идеи поставить мосты, по которым нежить не пройдет аспид не отказался, вот только после демонстрации сил моих, он свою формулу-то еще усовершенствовал. Теперь резал мост шипами острыми, самодвижущимися, все что на него нарасти пыталось... Хороший из аспида военачальник выходил в общем.

С меня вот воительница была так себе.

Список я накидала, потом все стерла. Потом переписала. Потом стерла. Потом явился кот, долго смотрел на мои потуги, сказал извечное «А потому что учиться надобно лучше!». Хорошо леший тоже пришел, так что большего себе кот не позволил, да только и друг мой верный смотрел на меня осудительно, и сопел, но и слова не сказал... он же не ворон. Мудрый

наш прилетел, в окно влетел, как только ему леший открыл, на меня посмотрел, на листок пустой, на меня, на листок, на меня...

– Даже не начинай, – взмолилась я.

– А ты это, поспишь, может? – невинно поинтересовался кот. – Господин аспид, он же дело говорит, это уж все признали.

– Пошли вон! – нервы у меня сдали окончательно.

Друзья верные, да не особенно послушные, меня покинули без охоты особой, домовой с поганками, которые заправил лучком и маслом подсолнечным, в глубине печи скрылся, осталась я одна...

Посидела, перо гусиное грызя от нервов, а опосля, сама как не ведаю, потянулась рука за блюдцем серебряным, да и пустила я по нему яблочко наливное, и хотела же сказать Агнехран, да от чего-то позвала вдруг:

– Охранябушка.

И замерла, пальцы к губам приложив. Не ожидала я от себя такого, совсем не ожидала.

Ну охранябушка, ну был и был, мое дело спасти и отпустить – я свое дело сделала, от чего же так тоскливо на душе?

А тут как назло Агнехран взял да и ответил!

Засияло блюдце серебряное, и взглянули на меня глаза синие, как летнее небо перед грозой, глаза родные... Архимаг только этот родным мне не был, он мне враг, только враг и мне нельзя забывать об этом. Отвела я взгляд, в окно поглядела... а не хватало мне за окном охранябушки. Так не хватало. Того, настоящего и простого, с волосами обычными, в рубашке льняной просторной, с топором в руке, с лицом не мага, но воина...

Агнехран таковым не был. Волосы в хвост собраны идеально, волосок к волоску, глаза темным подведены – чтобы взгляд был пугающим, кожа смуглая, рубашка черная шелковая, на пальцах перстни магические, в позе надменность нечеловеческая. Не мой это охранябушка, вообще не мой.

– Веся, – мягко позвал архимаг.

А вот по голосу – мой. И хочется глаза закрыть, тогда можно на миг, на секундочку, да притвориться, что все в жизни по-прежнему, и за моим окном трудится охранябушка, а я точно знаю, что его печать сниму и с бедой его справлюсь. С любой бедой справлюсь. А вот сейчас нет у меня такой уверенности... вообще нет.

– Твои волосы все так же черные, – тихо произнес маг.

– Угу, – согласилась я, все так же глядя в окно и пытаюсь продлить этот миг, когда кажется, что все по-прежнему. – Да ты не печалься, это от проклятия тьма. Вот будь я только ведьмой, и кожа позеленела бы, а так... сойдет, месяц-другой и сойдет чернота...

Тут вспомнила, с кем говорю, на архимага заставила себя посмотреть и извинилась:

– В смысле, не печальтесь ВЫ. Вы... Хотя какая вам-то печаль, из вежливости же вопрос задали, а я тут уже и разлилась соловьем.

Укоризненным взгляд архимага стал, да не выдержала я его – сызнова в окно уставилась.

– Весь, почему? – и такая в голосе его обида прозвучала. – Вот он я. Каков был, таков и остался. И спасла меня ты, ты ведь, Веся, от чего сторонишься теперь? Что я сделал не так?!

– Ничего, – взгляд опустила да и поняла – слезы стоят в глазах, вот-вот прольются росинками моей слабости. – То моя печаль, отпустить нужно... просто отпустить.

Шумно выдохнул Агнехран да и прошипел вдруг сквозь зубы:

– А если я отпустить не хочу, Веся? Как тогда быть?

Слезы смахнула, на архимага посмотрела устало.

Усмехнулась грустно, да и ответила:

– Агнехран, вы – маг. Маг. Нет у вас, магов, чувств. Нет привязанностей. Ничего нет. Другие вы. Вы и любовь, искреннюю сильную, на алтарь жажды власти швырнете не глядя, что уж об иных чувствах говорить. Нет их у вас. Просто нет.

А маг смотрел на меня глазами синими, такими честными, и взгляд открытый, хоть и злой, и боль во взгляде том. Да только... тут я права, я это знаю. На собственной шкуре сполна испытала уже, больше не хочется.

Вздохнула, успокаиваясь, да и к делу перешла, с него бы вообще-то начать следовало, без страданий и слез, ну да уж как вышло.

– Узнать хотела, если не сложно ответить вам, сколько сейчас мертвых ведуний в Гиблом яру?

Несколько секунд Агнехран смотрел на меня взглядом охранябушки, затем ожесточилось его лицо, взгляд заледенел и ответил архимаг холодно:

– Четыре. Но нежить стягивает силы. И... мы перехватили лешака в степи.

– Лешака? – я термина не поняла.

Маг кивнул и пояснил:

– Лешего ставшего нежитью. Ты говорила такого быть не может, да уж вышло так, что прав я оказался.

Да так сказал, что сразу стало ясно – своей правоте он не рад. Потому как нечему тут радоваться.

– А как нашли? – спросила тихохонько.

– По внешним признакам, – выдохнув тяжело, медленно, словно пытаюсь удержаться от эмоций, поведал Агнехран. – Как я и говорил, это твой леший неполноценный, видать совсем искалеченным попал к тебе. А этого в степи магический патруль засек – тот зверем бежал, но при опасности под землю ушел – так и отследили. После твоих слов про лешего, догадаться, что умертвиям ведуний свой леший понадобится, было не сложно. Мы просчитали вероятности, расставили патрули, все были проинструктированы верно. Захватили ночью, изолировали в... я бы сказал «каменном мешке», да только после тебя, я многое о лесе понял – камень лес может изломать, а леший – это сила леса. Так что железо. Заговоренное, без доступа воздуха, максимально изолированное. Вторая степень защиты – охранительный контур. Третья – лешак заперт на территории крепости, там шесть магов – а это, сама понимаешь, сила не малая.

О... ого.

Архимаг же, вдруг как-то странно улыбнулся, глядя на меня, и продолжил уже не так напряженно:

– Держим патрули. По границе Гиблого яра устанавливаются укрепления. Нежить, что стягивалась в яр Гиблый, уничтожается на подходе. А я... у меня подарок для тебя есть, Веся. Возьмешь?

Зачем спрашивать, если ответ и так знает? Я отрицательно головой мотнула, но не остановило это мага. Движением руки притянул к себе ларец плоский, крышку откинул, ко мне развернул.

Знатный подарок был. На бархате черном лежали россыпью кольца-артефакты, перстни-накопители, браслеты-охранители. Знатный подарок, ничего не скажешь, ну вот вообще ничего не скажешь, окромя:

– Нет.

На миг прикрыв глаза, архимаг словно пытался подавить растущий гнев, затем вновь на меня взглянул, да и спросил разъяренно:

– Веся, кто я, по-твоему? Слепец? Дурак? Али идиот последний?! Ты за мной кинулась, все свои амулеты захватив, и всю их силу на меня истратила! Ничего у тебя больше нет, Веся. Я маг, в одном ты права – мы другие, да только лишь тем, что чувствуем вещи магические. Я знал, сколько у тебя амулетов. Я знаю – что ничего не осталось. О многом мог бы сказать, Веся, да

только в едином признаюсь – ничего страшнее нет в жизни, чем стоять, не имея возможности приблизиться, видеть воду ручья алую, от твоей крови всю алую, и чувствовать, как гаснут твои амулеты, один за другим, силу свою теряя. Я же их чувствовал, Веся. Каждый из них. Ты могла умереть. Ты...

И маг отвернулся. Уж не знаю, куда он смотрел, только желваки дергались, крайнюю степень ярости выдавая. Да только в том не моя вина – его.

– Гордость бы свою урезонил вовремя – не пришлось бы мне на жертвы идти! – высказалась от всего сердца.

Резко голову повернув, Агнехран на меня посмотрел. Да столько тоски в его взгляде было.

– Я тебя уберечь хотел, – произнес сдавленно.

И на миг, всего на миг, я словно снова охранябушку увидела. На один краткий миг, от того и ответила:

– Я знаю.

Да только ни ему ни мне не легче от того знания.

– Есть еще новости? – спросила безрадостно.

Не ответил маг. На меня смотрел, да и спросил ожесточенно:

– От чего я врагом для тебя стал, Веся? Что я сделал? Ведь иначе все было, совсем иначе. Ты помнишь, как шла со мной? Я за руку тебя держал, а ты шла, и не было в тебе ни холода, ни опасения, ни настороженности. Ты доверяла мне, словно точно знала – не обиду. А сейчас что? На меня и не смотришь. Нет в твоём взгляде больше ни участия, ни доверия. Ничего нет. Могла бы – стену между нами выстроила... а, впрочем, о чем я – ты и выстроила. Да не одну – две стены. Только я все понять не могу, Веся, за что?

Понять не можешь? Вот как?

– Али может, – маг замялся, но не надолго, слова злые все равно как с цепи сорвались, – ты лишь увечных да калеченных привечаешь?

А вот это уже как ножом по сердцу.

Я руки на груди сложила, отгораживаясь... хотя прав, архимаг, могла бы – стену возвела, чтобы не видеть его. И не слышать.

Но коли ответа жаждешь, что ж, скажу:

– Ты доверие мое предал, Агнехран, – напомнила холодно. – Но это тебе объективная причина. А необъективная тоже есть – да ты о ней никогда не узнаешь.

Маг смотрел на меня прямо, но видела я – вину за собой ощущает, искупить хочет. Гордый. Тогда, как попал в избу мою, долг свой трудом искупить пытался, сейчас вот – подарками. И может, стоило принять, знаю ведь – ему легче стало бы, да только... он маг. Маг. А маги, они ничего, никогда просто так не делают, и я это доподлинно знаю.

Агнехран усмехнулся странно, да и сказал не скрывая:

– Вот ты уже как на врага на меня глядишь. Что вспомнила, Веся? О чем подумала?

– Правду вспомнила, – тихо ответила я, – о неизбежном подумала. Уж простите меня, великий архимаг, а только братья я из ваших рук ничего не стану. И чувствовать себя должником тоже не стоит – я Заповедного леса хозяйка, а в Заповедном лесу всем помогают, ничего взамен не требуя. Да и лешего... лешака вот остановить удалось, а это уже помощь мне, да не малая. Нет вашего долга передо мной, нету. И хватит об этом.

А маг так не считал. Взгляд его прожигал будто, лицо каменным стало, и вдруг сказал Агнехран:

– А коли полюбил я тебя, Веся, как тогда мне быть?

Я улыбнулась.

Улыбка стала шире.

Улыбка перешла в смех.

Смех в истерический хохот.

Насилу успокоилась, слезы то ли от смеха, то ли от горечи выступившие рукавом утерла, на архимага потрясенного поглядела, да и ответила, как есть:

– А что толку с той любви?! Я уже любила, архимаг, я так любила, что весна в груди цвела. И он любил меня, больше жизни любил... Но не больше власти. И сгорела моя весна, в пожарище тщеславия сгорела, а перед тем – от осознания предательства замерзла как ранняя яблонька, что расцвела раньше времени, да мороз прибрал. Такие как вы не умеют любить, Агнехран. Такие как вы, умеют только приносить в жертву. Убивать. Растаптывать. Но любить – нет. Прощай, маг.

И я забрала наливное яблочко.

Убрала блюдце серебряное.

Слезы вытерла.

Раз, еще раз, в третий раз. А они все текли и текли, неумные да неугомонные, а мне больно так.

Дверь отворилась без стука. Вошел аспид, да так, словно поспешал-торопился ко мне прийти, и от вида его страшного я вздрогнула – все никак не привыкну к чудищу легендарному. Но хоть и явился без спросу, все равно ему обрадовалась – лучше уж с ним о деле поговорить, чем рыдать понапрасну. Слезы быстро вытерла, на стул свободный указала, да и...

Вдруг подумала – А чего это я ему обрадовалась-то? Он же за списком пришел, а список не готов еще.

– Госпожа хозяйка лесная, – аспид сел на место предложенное, в глаза мои вглядывается напряженно, и словно бы виновато. – Случилось чего, али как?

– А, ничего не случилось, – я новый листок взяла, перо гусиное в чернила обмакнула, – так, о прошлом вспомнилось, да и взгрустнулось невзначай. А ты прости меня, аспидушка, за дверь погребную, сама не ведаю, что нашло на меня.

Ну вот, извинилась, а то чувствовала себя поганкой вреднучею, да и неудобно было, совестно.

– Ничего, то тренировка была, а тренировка завсегда вещь полезная, – мирно отозвался аспид.

– И за Гыркулу благодарствую, – не поднимая взгляда от листка, добавила я.

– Дело прошлое, – уклончиво ответил аспид, словно и принял благодарность, и... не совсем.

А я слезы вытерла. Откель взялись не ведаю, но с чего-то прекращаться отказывались.

– А сдается мне, что-то да случилось, – медленно проговорил аспид.

– Аспидушка, – я голову подняла от стола, на аспиде поглядела, – я в твои дела не лезу, откуда ты пришел не спрашиваю, вот и ты, будь добр, в душу мою не лезь.

Ответом мне был спокойный взгляд холодных глаз на черном матовом лице, и еще более холодное:

– Аедан.

Ну так, значит так.

– Будь, по-твоему, господин Аеданушка, да только от обращения, суть сказанного не меняется.

И я начала писать.

Первым пунктом шло – «Ловушки наземные».

Аспид слегка подался ко мне, поглядел на написанное и спросил:

– Это как?

Ох ты ж... да, как-то объяснить то надо.

Вздохнула, и попросила:

– Садись близехонько.

И указала на место, рядом с собой.

Да только аспид взял, и вместо того, чтобы со стулом передвинуться, сам поднялся, подошел, на колено опустился, и вдруг как-то неуютно мне стало, от близости такой. Моя б воля, я бы отодвинулась, да некуда – стул и так в стену упирается. А тут аспид еще и руку одну на спинке моего стула разместил – и вообще неуютно стало ведьме непутевой. Уж так неуютно, что хоть выводи его на двор, да и показывай все на натуре, так сказать. Но тут проблема одна имелась – в смысле проблема имелась, а силенки кончились. Прав был аспид – поспать бы мне. Ну да ладно, стенать поздно уже, будем работать с чем есть.

Осторожно я руку протянула, осторожно щеки аспида коснулась... страшно было мне, боязно, неуютно, а еще этот-то, совсем близко.

Да делать нечего – ладонью я к щеке аспида прикоснулась, да и в глаза ему глядя, передала образ: Лес – ночной, дневной, полуденный, полуночный, да тропинка, что цельной казалась, а вдруг возьми да и развернись под ногами.

– Это ловушка стандартная, – отнимая ладонь и берясь за перо, сообщила я. – От того умные люди по краю леса Заповедного ступают лишь одной ногой, покуда разрешение не получают.

– А смысл в чем? – спросил вдруг Аедан-чудище.

– Ну как, в чем? – замялась я. – Любой организм, это ж пища лесу. И коли не зверям, так червям пиршество, деревьям – угощение.

Хмыкнул аспидушка, да произнес задумчиво:

– Ох, и страшна ты, хозяйка лесная.

– Да я то что, – отмахнулась с улыбкою, – на себя в зеркало погляди.

Аспид глядеть не стал, аспид улыбнулся. Да так, что вроде и страшным до крику быть перестал. Грустной улыбкой ему ответила, да и дальше двинулись.

– Ловушки древесные, – написала в листке.

Воткнула перо в чернильницу, повернулась, ладонь к щеке аспида приложила, наклонилась, в глаза заглядывая, и новый образ передала: Вот идет войско осторожное, вот вступают в рощу дубовую, с виду мирную, а вот уже и исчезают один за другим безмолвно, потому как бесшумно испарывают прошлогоднюю опавшую листву лианы, да раскрывается кора древесная, и в дерево заточается воин, скованный по рукам и ногам. И при этом не раздается ни звука.

– Остерегаться нужно старых деревьев, – высвободив руку и взявшись снова за перо, начала наставлять я. – Да следить за последними воинами – с них обычно начинают, чтобы паники не поднимать до тех самых пор, пока... поздно уж не станет.

Задумчиво кивнул аспид, а потом возьми да и спроси:

– Ведунья, по опыту своему рассказываешь?

Я перестала выводить циферку «три» на листке, удивленно на аспида посмотрела, и солгать хотелось, ох и хотелось бы, да...

– Я – нет, – пришлось признаться к своему стыду. – Понимаешь, аспидушка, я как в лес попала, ничего о ведунском промысле вообще не ведала. Незваных гостей пугала пылью чесоточной, так что сами сбегали доспехи да оружие побросав, али видом ведьмы страшенной да зело презренной. Иной раз топь особенно ретивым охотничкам устраивала – ну ведьма я, ведьма и есть, так что не по учебнику действовала, а на авось да на вредности природной основываясь.

Аспид прищурился, на меня поглядел, да и спросил:

– Значит, говоришь, учебник есть?

– А то, – хмыкнула я. – Цельный год изучала.

И вдруг подумала – точно, учебник! Я ж могу просто дать ему учебник, и тогда не буду чувствовать себя так, словно аспид тут везде, и отступать некуда, потому что слева стена, а с остальных то сторон он, аспид.

– Аспидушка, – воскликнула воодушевленно, – а давай я тебе учебник дам, там все средства и методы защиты описаны!

Но даже с места не сдвинулся гад, скорее даже придвинулся... али может меня глаза испуганные обманули, и произнес вкрадчиво:

– Учебник возьми, ведунья, отказываться не стану, да только ночь скоро, а ты хорошо объясняешь, складно да наглядно. Продолжай, хозяйка лесная, чем больше расскажешь, тем больше жизнью спасешь.

И то верно.

И хоть неудобно мне было в положении таком, да и боязно, если честно совсем, да деваться... а куда ж тут денешься.

Вздыхнув, вывела на листке «Кусты терновые», отложила перо, повернулась к аспиду, ладонь к его щеке приложила... кожа, хоть и матовая, страшная, угольно-черная, на ощупь как человеческая был, хоть бери закрывай глаза, да и представь себе на месте аспиды человека какого, но глаза не закроешь.

– Смотри, – и я ближе к лицу аспиды подалась, передавая ему видение, – Заповедной чащи у них нет, но у любой ведуньи сил хватит вырастить даже не куст – терновые заросли, а опосля обратить каждый лист в шип, и не простой – острию стрелы подобный. И ежели если процесс магией ускорить – каждый шип, от куста оторвавшись, как стрела и полетит.

И я передала образ, как из терновых зарослей вылетают словно черные стрелы тысячи черных треугольных острий, и вовсе не безвредных – такие кожу прорывают яд в нее впрыскивая, глазам вредят, руки ранят.

– Видишь, – сказала, все так же находясь близехонько, – и доспехи не спасут.

– А что спасет? – теплое дыхание аспиды, губ моих коснулось.

Чуть не отпрянула, пугал меня аспид, до крику истошного пугал. Да не ко времени бояться, нам с господином Аеданом еще войну воевать.

– Нужно время угадать, – сказала я, и передала новый образ – как поднимаются из земли терновые ветви, как темнеют до темно-коричневого цвета, как становятся острыми колючки. – Вот, этот момент. Чтобы колючки созрели да опасными стали, на пару минут, лесная ведунья лишает влаги кусты терновые, в такой момент они уязвимы, и огня будет достаточно. Главное – время.

Аедан кивнул, но почему-то после получения образа, не в глаза мне глядел – взгляд его на губы переместился.

– Не туда глядишь, губами образ я тебе не передам, ты же не водяной, – сообщила аспиду. И едва синие глаза вновь в мои уставились, продолжила – Еще землю слушай, важно это. Время от времени опускайся на колено, ладонь к земле прижимай. Лесная ведунья, как поймет, что дело не чисто, она один из двух путей выберет – первый, живность лесную на тебя погонит. Стадом опасным, от него одно спасение – деревья. Второй путь – повернет русла всех родников леса, под землей прогонит, и тогда спасение – бежать, только бежать.

Я ровнее села, и сказала:

– Теперь руку дай.

Дал безропотно.

Я ладонь аспиды на свою положила, второй накрыла, глаза закрыла и передала оба ощущения – первый, это когда земля дрожит, да дрожь иная, такая что по венам кровь быстрее бежать начинает.

– Это если животных призовет, – пояснила, все так же глаза не открывая. – А вот так будет, коли решит уничтожить водой.

Тут уже другая дрожь земли была, такая, от которой кровь в венах стынет, да так, что в ступор впадаешь, шевельнуться страшно.

Глаза открыла, на аспиды посмотрела и спросила участливо:

– Все понял?

Аедан промолчал. Его ладонь все так же в плену моих была, вторая рука мой стул обвиняла, стоял передо мной аспидушка на колене, взгляд в мои глаза, я тоже на него смотрю, ответа ожидаючи...

И тут откуда не возьмись дверь распаивается и появляется Водя.

– Весь, – начал гигант золотоволосый, порог переступая, – я тут...

И осекся на полуслове.

– Чего ты тут? – мгновенно заинтересовалась я.

Водяной почему-то промолчал, пристально глядя на аспидку. Аспид тоже на него глянул, да так, что мне вдруг нехорошо стало. Холодком таким знакомым повеяло, а мне уже Гыркулы с головой после вот такого вот холодка хватило.

– Аспидушка, друг любезный, водяного не трогать! – потребовала немедленно. – Мне без него жизни нет, так что и не думай даже!

Изменился водяного взгляд, на меня он поглядел странно, изменился взгляд и у аспидки – студеным стал. Ледяным даже.

– Еще что-то? – спросил аспид, только странно вопрос прозвучал, как-то вконец холодно, аж озноб по коже.

– Да, – согласилась я, – учебник дам. Только еще об одном предупредить должна. Водя, я быстренько, ты садись пока где удобненько.

Водяной огляделся и сел. На кровать мою сел. Да на аспидку от чего-то поглядел вызывающе. А у Аедана чуть ли не скрежет зубной, и ярость такая непонятная.

– Не отвлекайся, – попросила я аспидку.

Руку его отпустила, ладонь правую опять к щеке приложила, подалась к чуду и передала последний образ – древопад. Так, на случай всякий. Вообще то ни одна лесная ведунья в своем уме на такое не решилась бы – лес сильно страдает, деревья гибнут невосстановимо, да только в Гиблом яру черт его разберет, решаться али нет.

– Треск, – прошептала я, передавая видением звук жуткий, да следом деревья падающие. – Страшный оглушительный треск. Верить мне хочется, что не услышишь его, да только... кто их, умертвий, ведает. Что мертво, то живое беречь не станет. Так вот, аспидушка, коли услышишь треск такой – беги. Назад беги, страшно это, да и пламя не поможет.

И тут я вот о чем подумала – аспид на бой ведь сам пойдет. Моровым, бадзулам да злыдням ничего не страшно, бестелесные они, а вот аспид...

Села я ровно на стуле, на Аедана глядя в задумчивости...

Правду Агнехран сказал, не осталось у меня ни амулетов, ни артефактов, а самой мне из леса выходить уж никак нельзя, от того... Короче – суровые времена требуют суровых решений.

«Леший» – позвала мысленно.

И едва друг верный ответил, попросила:

«Браслет на ноченьку одну отдай».

Браслет обручальный появился на столе моем тот час же. Второй все так же на руке моей оставался. Взяла я серебряный венчания символ, да и попросила у аспидки:

– Руку дай.

Странно поглядел на меня Аедан, но просьбу исполнил мгновенно.

И защелкнула я серебро на черном запястье, попутно объясняя:

– Зов твой до меня не дойдет – иной лес, от того дерева не донесут. Но коли случится недоброе – злыдня шли, они быстрее всех будут. А я тебе так скажу – времени тебе даю до часу ночи, опосля...

– До трех, – вдруг воспротивился аспид.

Ну что ж с ним делать-то.

Глядя на угольно-черного аспида, что в сумраке избушки терялся в очертаниях, вздохнула и попыталась объяснить как дитю несмышленому:

– Аспидушка, родненький, ты пойми, пожалуйста, я в этот Гиблый яр за тобой прийти не смогу, и лешего не отправлю, опасно нам, понимаешь? Мне от того, что уж сунулась не так давно, теперь вот силы восстанавливаю, да выходит с трудом. А лешему в Гиблый яр путь заказан – там хозяйка его бывшая умертвием бродит, а между ведуньей и лешим связь особая, и коли призовет... тут и я ему не указ, понимаешь?

– Понимаю, – холодно произнес аспид. – Только до трех часов, хозяйка лесная, доверься мне.

Легко сказать «доверься». А как довериться, если и сама там поражение потерпела, да какое! Как вспомню, до сих пор слезы в глазах.

– Два с половиною? – попросила почти.

Усмехнулся аспид, да и сказал:

– Учись доверять, ведунья. Что-то еще сказать имеешь?

А что уж тут сказать?

– Учебник дам, отодвинься, пожалуйста, дай встать.

Аспид встал сам, но не сдвинулся ни на пядь.

Осторожно поднялась я, проскользнула мимо, пошла в учебниках нужный искать, а дело то не легкое. Долго искала, между тем у аспиды с водяным разговор завязался.

Первым водяной начал:

– Два моста под контроль возьму, это не обсуждается.

– Твое право, – холодно ему аспид ответил.

– А с полуночи, как возвернутся волкодлаки с вампирами, уберу оба и твой прикрою.

Ох, Водя, ответственный совсем... совсем как я.

– Я бы не стал... – начал было Аедан.

– Ну раз не стал бы, то и не начинай, аспидушка, – попросила я, выудив, наконец, нужный учебник из-под самой нижней стопки. Далеко ж закинула.

На четвереньках выбралась из-за книжных нагромождений, встала, отряхнула плащ свой, под ним все так же сорочка ночная обреталась, волосы поправила, книгу от повреждений зачаровала, да и передала могучему аспиду. Тот молча взял, и деликатно промолчал, ничего не высказывая по поводу паутины на книге.

– А... это защита такая, – решительно соврала я.

Аспид покивал, тактично сделав вид, что поверил.

В избенке повисла неловкая тишина.

– Ну, так ты пошел? – невинно вставил водяной.

Я была полностью с водяным согласна, даже на дверь поглядела.

А аспид почему-то нет.

– Да времечко еще есть, я бы чаю выпил, – произнес он, и совершенно нагло, демонстративно и как-то даже по-хамски уселся на стул.

Мы с водяным переглянулись.

Неловкая тишина приобрела оттенок нервозности.

– Эмм, – проговорила я.

– Чаю?! – грубо спросил водяной.

– Да, – невозмутимо отозвался аспид. – Чай – напиток, получаемый посредством заваривания или настаивания листьев, веток, цветов иногда ягод. Ты не знал?

По идее знал, но от чего Водя вдруг начал подниматься с кровати моей, да с видом уступающей глыбы, я вот не знала.

– Чай так чай, – согласилась поспешненько. – Воденька, чай будешь?

Водя глянул на меня коротко, затем уставился на аспиды и произнес:

– Чай, Весенька, наш гость возжелал, ему и нальешь. А для тебя, краса моя, я вино принесу. Хорошее. С выдержкой.

И тут в избе вспыхнула ярость. Да такая, что я на ногах едва удержалась – вот только источник определить не сумела, как ни пыталась. И на аспиде уж глядела и так и этак, да только сидел он невозмутимой скалой, книгу листал, читал внимательно, словно и не слышал вообще ничего, в процесс изучения погруженный.

И вот его отрешенностью пользуясь, я и сказала тихохонька:

– Воденька, ты прости, пожалуйста, да только не дружу я с вином. Больше скажу – последний раз как медовухи выпила... так с одними портками и осталась.

Стыдно было признаваться, но Водя это Водя, он свой, а вот от аспиде внимания к словам моим не ожидала вовсе, от того покраснела вся, едва Аедан на меня потрясенный взгляд поднял. И такой этот взгляд был...

– А ты не переживай, Весенька, я тебя и с портками, и без портков, все одно люблю и уважаю. Ты чай заваривай, с остальным сам разберусь, – и улыбка у Водя была странная, и смотрел он от чего-то на аспиде.

И аспид тоже на него смотрел, да таким взглядом пристальным, нехорошим.

Мне же... токмо признаться окончательно и оставалось.

– Воденька, не про мои портки речь, – стыдоба то такая.

Но коли первое слово сказала, за вторым очередь.

– Понимаешь, Водь, – я чайник взяла, поглядела на него, подумала, что помыть бы его пора, – алкоголь не мое это. Хмельная ведьма с меня та еще... Говорю ж тебе, когда последний раз медовухи выпила, с одними портками-то и осталась. Я как выпью, азарт такой просыпается – и главное везти начинает во всем вообще. И в карты, и в камушки, и даже на пари всякие. Неестественное везение. Вот в прошлый раз я всю таверну без портков и оставила. Кто был, тот стыдливо веничками прикрываясь и ретировался. А на таверну долговая расписка до сих пор где-то валяется. Так что чай, Воденька, чай он вещь полезная, а главное – не азартная.

Когда из избы за водой выходила, там тишина царила такая... потрясенная...

– Весь, – повысив голос, позвал водяной, – но я-то не азартный.

– Ох, Воденька, ты и портков-то не носишь, – отозвалась я по-глупости.

И тишина снова стала такая... опасная.

От того я и напряглась, и со ступеней не сошла.

Движением руки воду из бочки призвала, заклинанием чайник вскипятила, да опрометью в избу вернулась. А там водяной стоял, а аспид на него смотрел. И нехороший это был взгляд, ох и нехороший такой... Аспид на Гыркулу и то любезнее поглядывал.

– Так-так-так, – я быстренько заступила между водяным и Аеданом, на последнего посмотрела строго, да и сказала: – Водяной на моей территории под моей защитой. Вот только тронь, понял?!

Аспид что-то точно понял, но, кажется, что-то не то.

Встал, громко книгу захлопнув, коротко кивнул, на прощание, и произнес:

– Благодарствую, хозяйка лесная, за знания, за откровенность, да за книгу твою. А вот чая уж не требуется... аппетит пропал.

– Так, а чай есть и не надо, его пьют, – как-то очень ехидно вставил водяной.

– Я в курсе, – пристально глядя на него, отозвался аспид.

Развернулся и вышел из избы, не оглядываясь.

Только вот дверью грохнул на прощание.

Когда отгремел грохот дверный, я сообщила водяному тихонечко:

– У аспиде тема портков какая-то... очень личная, зря вообще сказала-то.

– Да нет, Веся, все ты сказала правильно, – поправив прядь моих волос и пристально глядя на дверь, произнес водяной. – Так что, чай?

– Да, – кивнула я.

Водяной за стол сел, я по избе побегала, собирая снедь, да заваривая чай травяной, бодрящий – этой ночью ни мне, ни Воде не спать.

Опосля на двор сбегала, отдала золото приехавшему с провизией Саврану, да наказала, что еще до заката привезти надобно успеть. И с золотистыми пирожками, что мне Уля, жена савранова, передала, вернулась к водяному.

Тот сидел, неторопливо помешивая чай, и пристально глядя на поверхность паром исходящую – работал. Мы с водяным всегда при деле, жизнь у нас такая.

– Проблема какая? – перекладывая горячие пирожки с корзинки в тарелку, спросила у Води.

– Да странность какая-то, – отозвался он, – по верху реки, у истоков, плот строят. Не нравится он мне.

– Где? – позабыв о корзинке, мгновенно заинтересовалась я.

Водяной поманил к себе, я, вместе с корзинкою, на колени к нему присела, в чашку заглянула, да и замерла потрясенно.

Строили не то чтобы плот – целый плотище.

Да не простой плот, а нежити оплот! Гниль моренное дерево огнем обожженное устилали, а на берегу, среди скал – там исток реки водяного был, толпилась в клети да рычала нежить обозленная.

– Ох, ты ж Господня сила! – только и вымолвила я.

– И не говори, – задумчиво произнес Воденька.

– А я погляжу вам и вина не надобно, – раздалось вдруг от двери.

Водяной на голос аспида резко голову повернул, по лицу моему золотые кудри скользнули. Я волосы отвела, да и попросила:

– Не отвлекайся, а? Вот не сейчас только!

– Даже так! – и снова гнев такой, ярость душительная, губительная, уничтожительная... Я аж вздрогнула!

Я аж вздрогнула!

Уж думала вскочить да ответа потребовать, но тут на плот тот, нечисть гнать стали.

– Воденька... – у меня голос сиплый стал, до шепота упал. – Воденька, что делать будем?

Делать то что-нибудь надобно было. Позарез надо было. Да только враг там действовал, куда моя власть не распространялась, а Водина еще силы не набрала. Самый исток реки, исток горный, там водяному силы не собрать.

– Ведьма! – вдруг ледяным голосом аспид произнес.

– Не сейчас, Аеданушка! – взмолилась, в чашку вглядываясь. – Ты проходи, на мое место садись, чай мой можешь взять, не пила еще. Пирожки вот есть. А меня не трогай, не отвлекай, пожалуйста, беда у нас, а как сдюжить не ведаю.

А тут и Води нервы сдали.

– То не твоя тревога, Веся, разберусь, – зло водяной произнес.

– Как?! – я вскинулась, в глаза его поглядела нервно. – Как справишься? Сам видишь, плот магией подпитан, а потому поплывет быстрее обыкновенного. И сдастся мне – до полуночи тут будет. Как сдержишь ты его? В воду оборонить – скверна по воде твоей расплзется, кто знает, чем то обернется, как бы кракены нежитью на поверхность не всплыли!

Водя зубами скрипнул, да и произнес:

– Я разберусь, Веся. Сам разберусь.

И от чего-то важно это для него так было, прямо как портки для аспиды.

– Разберешься, – согласилась я. – Только к полуночи не вернешься, так ведь?

И спрыгнув с колена его, заметалась в тревоге по избе.

Молча аспид в избу мою вошел, молча на место мое сел, и глядел внимательно то на меня, то на водяного.

– И на помощь звать некого, – я остановилась, сжимая ладони, – ведьмы на горе закрылись, никто на помощь не явится. У меня метла есть, успела бы, туда и обратно успела бы обернуться до заката, вот только силы ведьминской во мне мало сейчас, восстановится не скоро, на пламя магическое не хватит, не сдюжу я.

И тут вдруг аспид речь молвил:

– По моей части огонь. Что случилось-то?

И посмотрел на не меня, на водяного.

А Воденька странно себя повел, усмехнулся и произнес елейно:

– А садись, аспидушка, на коленку ко мне, я и покажу, – и улыбнулся так... я и не знала, что водяной так улыбаться издевательски умеет то.

Да что ж это деется?!

– Водя! – воскликнула гневно. – Охолонись, будь добр! Одно дело делаем, одна задача у нас, и враг один, а других на ровном месте выискивать не надобно, итак хлопот полон рот!

И подойдя к аспиду, лицо его обняла ладонями, подавив дрожь неприятственную – боялась я его, несмотря ни на что боялась. Но к глазам синим змеиным нагнулась, да и выдохнула видение – и исток горный, и плот, и нежить, что гнали на него магическим путем. И кто там дело затеял поганое – оно не ведомо. Скрывался маг. Я там ничего увидеть не смогла бы, не моя территория, а от воды маг держался далече, от того и водяному не увидеть его было.

– Хм, – произнес аспид, едва я выпрямилась и ладони от лица его убрала. – Всего-то?

И тут Водя как скажет:

– Вся, сам разберусь, помощники не требуются! Особенно такие...

Но и Аедан в долгу не остался:

– Да, вижу я, что не тот с меня помощничек. Водяной то у нас явно особенный, только тех привлекает, кто на коленку к нему запрыгнуть готов...

И задрожала изба моя, все вокруг задрожало...

– Воденька, будь любезен, охолонись, – попросила сдержанно.

Дрожь прекратилась.

Усмехнулся победно аспид, но затем посерьезнел и так сказал:

– Предатель у нас. В нашем стане. Среди своих. Ты, хозяйка лесная, правду сказала – плот тут к полночи будет, а первыми по реке два отряда идут – волкодлаки да вампиры. Анчутки и ауки за столом совещания не сидели, второстепенная роль у них, от того и решали сами мы все. Остаются те, кто знал – моровики, вампиры и волкодлаки. Предателя среди них искать надобно.

И на меня посмотрел вопросительно.

Но я тут не согласная была, вообще не согласная.

– Аспидушка, – сложив руки на груди, сказала тихо, – для любой нечисти – нежить прямой враг. Тут говорить не о чем – я за каждого кто на пиру был, ручаться готова. Но даже если предположить, на секунду единую, что прав ты, и среди нас предатель есть, то в чем мотив, вот главный вопрос.

Не сразу ответил аспид.

Сначала встал, на мое место мне указал, а сам сходил да и принес со двора табурет для себя, и чашку из шкафа достал, да и сел между мной и водяным уверенно. Я ему чай налила, блюдце с медом пододвинула, тарелку с пирожками.

Сидим, чай пьем задумчиво.

Тут Воденька слово свое сказал:

– Права лесная ведунья – мотива ни у кого из нечисти нет. Заповедный лес их последний оплот. Так-то лесов много, но нечисть любая природный баланс рушит невольно, и коли нет ведуньи-хранительницы, рано или поздно мертвеет лес с нечистью, то ли болотом станет, то ли замшелой топью. Нет, среди нечисти предателей не будет. Волкодлаки – тем Заповедный лес

нужен пуше воздуха. Вампиры хоть и сторонятся, все ближе к людям селятся, а и они знают – случись что, только Заповедный лес и спасет.

Аспид на меня посмотрел вопросительно, но сказать я могла только:

– Воденька прав полностью. Да и закон у нас таков – кто на пиру побывал, да условия принял – тот в спину не ударит. Среди своих искать врага смысла нет.

Помолчал аспид, помешал чай ложкой серебряной, да опосля и сказал водяному.

– Покажи.

И уж без ехидства, пододвинул Водя чашку свою, ладонью ее обняв, аспид склонился, вглядываясь. Я, не удержалась, поднялась, через плечо водяного заглянула и увидели мы.

Вот все разом и увидели, как вдруг воспылал плот с отравленной скверной нежитью ярким пламенем. Да так запылал, словно не просто занялся огнем – а стал им. Со всех сторон пламя вспыхнуло! Шипением оглашая те места, где плот с водой соприкасался. Яростно полыхало! Дико! Неистово! А затем метнулось огненной плетью пламя, и охватило валун темный, внушительный, уничтожая его, разбивая на осколки...

И когда опали те, мы все и увидели – пентаграмму алую, архимага, вскинувшего ладонь в защитном движении щит призывая, и... лицо мага того мне знакомо было сверх меры.

– Ингеборг! – воскликнула, глазам своим не веря.

– Что, знакомы хорошо? – с насмешкой спросил аспид.

– Лучше, чем хотелось бы, – прошептала я, пошатнувшись.

Аспид неведомо как, но поддержать успел. Провел, усадил на стул, затем свое место занял. А я как села, так и сидела, на водяного глаза поднять стыдилась.

– Что, Весь? – тихо спросил Воденька.

Сглотнула ком в горле, и ответила тихо:

– То не на тебя, а на меня ловушка была...

– Уже легче, – утешил Водя. – Если враг известен – справимся.

Кивнула, да только... веры особой не было. Ингеборг сильный противник. Умный, хитрый, вдумчивый, да опытный.

«Леший» – позвала беззвучно.

Друг верный явился посереде избушки и пола, как обычно. Да за приметив, что гостей у меня изрядно, вылез весь, подошел, рядом со мной присел, посмотрел вопросительно. Я и рассказала всем троим, внимательно слушающим:

– Дело такое. Чаща моя затейница, узрев что и ведьмак и магистр Тиромир в деле разномножательном бесполезны, улучив момент, когда оба меня атаковать хотели, обоих разом и лишила...

Тут покраснела я даже, да коли начала говорить, то продолжила.

– И лишила их на некоторое время, требующееся для восстановления, функций размножительных.

На миг порадовалась, что охранябушка оказался архимагом, да не простым, а самим Агнехраном – тот так не подставился бы. Вот, при желании большом, во всем что-то хорошее да найдется.

– Ингеборг того не простил мне, – продолжила, в чай глядя. – И этого не простил, и того, что по моему слову Славастену на горе ведьм заперли. Ну да то не беда, на моей стороне правда, ни Изяславу, ни Славастену добрым словом не помяну. А вот то, что чаща сотворила... Ингеборг не простит. И он умен – он две чаши ощутил, мою, да Гиблого яра на встрече нашей последней, вот и сопоставил... О мостах узнать так же мог – ведьмак, принц Анарион, под его приглядом сейчас, а ведьмаки как и мы, глазом птичьим поглядеть могут. И пусть к лесу моему близко не подбераться, да только мосты на реке и с высоты большой разглядеть можно, коли орла или сокола использовать. А еще...

И о том мне говорить совсем сложно было.

– А еще Ярина у меня слаба сейчас, от того скверна ей пуше всех грозит. А я в стороне не стала бы, и не останусь, коли пострадает она. Умен Ингеборг, все просчитал.

И тут спросил водяной.

– Ингеборга сжечь сможешь?

– Он архимаг, – напомнил аспид.

Помолчали.

– К воде заманить могу, – задумчиво предложил аспид.

– Он архимаг, – вздохнул водяной.

Еще помолчали.

– Проклясть могу, – сказала неуверенно.

– Притопить, – тоже не слишком уверенно сказал Водя.

– Поджечь, – усмехнулся аспид.

А я точно знала того, кто смог бы не просто поджечь – а сжечь безжалостно, вот только... просить Агнехрана не стану, вовек не стану. И от серебряного блюда, на которое смотрела, взгляд отвела. Да тут и заметила – аспид на меня глядит. Да так глядит, словно понял он и о чем мысли мои, и что о помощи следовало бы, да я просить не стану.

– На том и порешим, – решил Водя. – И отравлю, для порядку.

– Он архимаг, – ровным тоном вновь напомнил аспид.

– А я водяной, – очень недобро улыбнулся Водя.

Увы, но:

– Ты не первый водяной в его жизни, – тихо сказала я.

И поднялась, отойдя к печи. Постояла, касаясь ладонью холодного камня, и раз уж не было пути иного, рассказала:

– Долго, очень долго Славастена пыталась заполучить Ингеборга. Смелый воин, сильный архимаг, достойный мужчина – она была одной из тех, кто поставил всё на эту партию. Вот только не выходило ничего. Хороша была Славастена, всегда хороша была, красивейшая ведьма столицы, светская дама, во дворце королевском частая гостя, но не смотрел на нее Ингеборг. Долго не смотрел. И тогда решилась на хитрость Славастена, с водяным договорилась. И на пиру королевском выпил хмеля Ингеборг, да так захмелел, что проснулся поутру в постели чужой. И проснулся один, хотя точно знал – с женщиной ночь провел. От семени своего архимаг завсегда избавлялся споро, сразу по утрам, али как завершит дело с удовольствием, а тут не успел. Не было дамы его рядом. Долго искал, весьма долго... а как нашел – поздно было. На последнем месяце Славастена была, и Ингеборг ее пальцем не тронул. Ее не тронул, а вот водяного нашел... И водяного не стало.

Под моими пальцами холодил ладонь камень никогда не топившейся печи, а я другое вспоминала – холод камня в цитадели, разъяренного Ингеборга, что меня тоже не тронул – женщина же, но Тиромир... «Как посмел?! Что удумал? Я за тебя слово королю дал! Я королю слово дал!» И с каждой фразой удар, удар, удар... Я выла, зажимая рот ладонью, а с губ Тиромира капала уже не кровь – сгустки крови. Он падал, он супротив Ингеборда не противник и тогда был, да и сейчас не стал, но все равно поднимался. Каждый раз поднимался, потому что за его спиной была я. И это Ингеборг слова «любовь» не ведал, а Тиромир любил меня... больше жизни любил... Да разлюбил.

Но то Ингеборгу было на руку – теперь то можно было сочетать сына браком с семьей королевской, однако некстати чаща моя вмешалась, сделав Тиромира временно небрачноспособным. Таким вот образом между тронем и ним опять я встала. Ненавидел меня Ингеборг. Страшной, лютой ненавистью ненавидел.

– Чай пейте, хороший чай, правильный, – сказала мужчинам. – И спасибо тебе, аспидушка, выручил.

– Весенька, на что пойдет этот ирод, чтобы тебя уничтожить? – спросил Водя.

– На все, – шепотом ответила я. – Он пойдет на все.

И ведьмака я тоже вспомнила – у Ингеборга было два шанса к власти подобраться, первый – сына на принцессе женить, второй – Анариона на трон усадить. А я, стало быть, обоих неправящеспособными сделала...

– А почему же так? – спросил аспид.

Я вернулась за стол, чашку взяла свою, посмотрела на гада страшного да чешуйчатого, и ответствовала:

– Потому как, аспидушка, больше женщин и жизни, маги любят власть. А я Ингеборгу трижды дорогу к трону перешла. Когда Горичи прокляла, а он снять проклятие не сумел, и в немилость впал королевскую. Когда брак сына с принцессой старшей устроил, а Тиромир уже мне предложение сделал. Когда держал на коротком поводке принца-бастарда, да через него собирался страной править, а тут я со своим проклятием, да чаща моя та еще затейница...

Знала бы – остановила. Как есть остановила бы!

Но сделанного не воротишь.

Чай пили молча.

И я, и задумчивый водяной, и аспид, по лицу которого эмоции не прочтешь никак, никоим образом. Но едва поднялся водяной, последовал примеру его и аспид, обронив уходя:

– Пospала бы ты, хозяйка лесная.

Сон это хорошо, это правильно.

– Весь, – водяной на пороге обернулся, – там русалки платье твое свадебное отстирали, кикиморы зашили. Во дворе повесил, сохнет.

– Спасибо тебе сердечное, – поблагодарила с улыбкою.

Сон бы ко мне не пришел, да у лесной ведуньи иные сновидения и я погрузилась в жизнь леса.

Дел много было. Ярину проверила, на Лесю мрачно повзирала, предупредила обеих по поводу Ингеборга, опосля последила за тем, как аспид гонял лешего, который умаялся настолько, что клюку мою взял.

Устает мой лешинька быстро, слишком быстро, и раньше не смотрела на то, а сейчас... прав Агнехран-маг, леший мой слабее иных будет. И коли встанет на пути его иной, чем все закончится? А потом вот о чем подумала – я тоже любой ведунье и в подметки не гожусь, да и ведьмы посильнее будут, но вот она я, а где они? Справимся. Мы с лешим и не с таким справлялись, так что справимся, сумеем.

Заглянула к избушке Саврана. Ульяна жена его с детьми бродила вокруг избушки. Малыш сопел и причмокивал, молоко из подаренной архимагом бутылочки посасывая, а Луныша все тарбарила не умолкая, что вот бы к бабушке сейчас, там земляника поспеть должна, и малина уже налилась на кустах... Споткнулась Ульяна на ровном месте, ничего дочери не ответила, а сын знал. На маму глянул, Лунышу за руку ухватил и повел вперед, рассказывая, что вот батька вернется с ярмарки, и привезет ей земляники, обязательно привезет.

Шагнула я тенью призрачной, да и взрастила полянку земляники. Махонькую, всего шага в три шириной, но удержала соки земные, и расцвела земляника, ягоды выпустила, разнесся запах по лесу.

– Мамка, земляника! – Лунышка первая ощутила.

А я отступила молча. Приятно было на душе, что ребенка порадовала, а вот надолго ли? Рано или поздно узнает девочка, что нет у нее больше ни бабушки, ни дедушки... разве может со стороны Ульяны родственники остались. Хорошо бы, а то в одиночестве тяжело семье расти.

И тут ощутила, как по щеке провел кто-то ласково. Глаза открыла, да и улыбнулась – у постели моей, водяной сидел. Да не просто сидел, он с собой запах реки принес, тишину водной глади, спокойствие умиротворенное.

– От важных дел не отвлек? – спросил, едва на постели села.

– Не отвлек, – поправила волосы растрепанные. – Чай, волнуешься?

Водя не сразу ответил. Пальцы его коснулись руки моей, что на покрывале лежала, погладили, успокаивающе, а после, водяной сказал:

– Гиблый яр я могу затопить. Весь. За один день. Да не простой водой – ключевой, от серебряных рудников бьющей.

Только и выдохнула испуганно. Воденька мог, это я знала. Он простым водяным не был. Да только...

– Водь, родной, только ведь я его не погубить, а спасти могу, понимаешь? – прошептала, в голубые глаза заглядывая.

Голубые...

У водяного они как, по большей части зеленые, а как в море смотается да обратно – так вот такие, голубые становятся, как вода морская.

– Весь, – он пальцы мои сжал, – а помнишь, я тебе о чародейке рассказывал?

– Ну, рассказывал, – я руку отняла, обняла колени, угрюмо на водяного глядя.

– Об том, что дорога она мне была, рассказывал?

– Ну так, намекал, – мне этот разговор все меньше нравился.

Водя кивнул, затем ко мне подался, близехонько, как в те прежние времена, когда приставал каждый раз, как шла в заводь мыться, да и сказал тихо очень:

– Она мне дорога была, Веся, а тебя я люблю.

И показалось мне, что вся избушка моя пошатнулась. И я пошатнулась. И земля под ногами. Все пошатнулось, только Водя незыблемый был, сидел на краю постели моей, да смотрел прямо, так что и не отвертись. А и надо ли?

Я взгляд отвела, сидела молча, на ладони свои побледневшие глядя.

– Я тебе душу открыл, Веся, от чего молчанием отвечаешь?

Что сказать ему?

– Водя, а ты ведь воду чувствуешь? – спросила, глаз не поднимая.

– Чувствую, знаешь ведь, Веся.

Кивнула я, с постели встала, и так как была, в сорочке ночной, лишь иллюзию на себя набросив, взяла Водю за руку, и повела за собой.

На дворе вечерело, Савран с мужиками телегу разгружал, вскинулся было мне что-то сказать, но я головой отрицательно качнула и промолчал купец. А Водя за мной шел, шел как привязанный, словно в поводу вела.

Я и привела.

К могилке привела. Над могилкой креста не было – Кевин не хотел, только цветы цвели весенние, пусть и среди сосен тяжело цвести им, но цвели. Всегда цвели.

Остановилась я, при виде могилы саморучно выкопанной, сердце сжалось, и не отпуская руку водяного, я сказала:

– Вот коли воду чувствуешь, то и увидеть сможешь, сколько я здесь слез пролила.

Мою ладонь Водя сжал, да с пониманием – он чувствовал.

А я прошептала едва слышно:

– Один раз в год сады цветут. Один раз в жизни цветет весна в сердце ведьмы. Моя уже отцвела...

И отпустив руку его, молча к избушке пошла. Каждый шаг тяжелый такой, будто по колено в воде бреду, да еще и против течения. Потом остановилась, привалилась плечом к березе, да и осталась стоять.

Водя тихо сзади подошел.

Постоял, меня пальцем не касаясь, и спросил:

– Ты так любила?

– Больше жизни, – прошептала в ответ.

Но отболело то давно, даже слез в глазах не осталось. Ничего не осталось, и говорить бы не о чем, да только:

– То, что я сбежать смогла, то, что жива осталась, это не по желанию моему произошло, Водя, это протест был. Мой протест. Второй раз в жизни против всего пошла, и не из страха смерти, врать не буду – из-за гордости. Во мне оказалось слишком много гордости, чтобы позволить Славастене сделать из меня ступеньку, что подстелет под ноги Тиромиру. Да только я не подстилка!

Помолчал водяной, да и молвил:

– Неужто лишь раз в жизни любить может?

Я кивнула.

– А после? – спросил Водя.

– Ульгерду видел? – просто спросила я.

– Видел, – сокрушенным эхом отозвался водяной.

Да тут же уточнил:

– А остальные ведьмы что? Славастена?

– Весна, – тяжело говорить было.

Тяжело оглядываться на тех, кто старше, намного старше, но молод, душой, телом, сердцем.

– И долго та весна длится? – не унимался водяной.

– А покудова живет любимый, – я усмехнулась горько.

– Так... жив Тиромир, – водяной старательно пытался разобраться в ситуации.

– Жив, – согласилась почти беззвучно. – Да для меня умер!

Вдохнула грудью полной, да и выдохнула:

– Но, я не ему весну отдала, я... хотела спасти... не важно.

Остановилась, постояла, успокоилась.

Развернувшись, посмотрела на Водю, улыбнулась грустно и попросила:

– Не надо меня любить, я ответить не смогу... Мне любить нечем, Воденька, мое сердце на осколки разбили, и те осколки в грязь втоптали.

Он промолчал, с болью на меня взираючи, а я... что тут еще сказать:

– Ведьмы любят один раз, Водя, всего один раз. Тогда только в сердце цветет весна, тогда и дети зачинаются да рождаются. А после все. Мы от рождения себе не принадлежим, и у нас есть лишь одна весна, чтобы пожить по-человечески, и все на этом. Вот так и со мной, Водя, все уже кончено.

Посмотрел на меня водяной и тихо сказал:

– Вот от чего ты от Силы Лесной свою суть скрывала.

Я много чего скрывала, и все так же скрываю. Долго ли, коротко ли, но пока могу, молчать буду.

– Ничего не кончено, Веся, – серьезно произнес водяной. – Когда в лесу появилась, думал – не справишься. Дурачился, вел себя как деревенский увалень, изводил шутками глупыми, все пытался улыбку твою увидеть. И я надежду утратил почти, но наступил день, и ты улыбнулась. Пусть и сквозь слезы, но улыбнулась. А когда смех твой услышал – жизнь началась заново. Я не знаю, сколько раз в сердце ведьмы весна цветет, но время все лечит. Время как вода, Веся, тихо течет, да ничего опосля себя прежним не оставляет.

Я плечами пожала, может и прав он, да только:

– Не хочу я, чтобы ты любил, а я себя виноватой чувствовала.

– А ты за мои чувства не в ответе, Веся, – строго сказал водяной. Вздохнул и добавил: – Я признался не для того, чтобы ты вину ощущала, я хотел, чтобы знала ты – как бы ни случилось, победишь, али проиграешь, Лесная Сила разума последнего лишится, али враг злобный удар нанесет – я всегда рядом буду, а река моя тебе дом родной. Не рискуй, Веся, собой не рискуй, ты нужна мне. Любая нужна. Любой рад буду.

Огляделся – на лес опускались сумерки, мне в глаза посмотрел, да и спросил:

– Начинаем?

– А то! – улыбнулась я.

И пошли мы к избе моей, готовиться... спать.

Когда подошли, я аккуратненько да и свернула иллюзию, соответственно которой сидели мы с водяным на завалинке и мирно беседовали. В ближайших кустах выругался матерным волкодлак, на крыше избы ругнулся вампир, моровой вообще ничего не заметил, из моровых охороннички те еще. А вот вампиру с волкодлаком стоило бы сходу осознать – это мой лес, я в лесу хозяйка, и никакой аспид мне здесь не указ, и охранников не прикрепляз! То же мне, ишь чего удумали.

Операция началась сразу после заката.

Грациозно скользнули на свой мост вампиры, анчутки полетели вперед, скрыв призрачными тенями передвижение вампиров. Гырнула взял с собой отряд в двадцать вампиров. Серьезная сила, вот только на берегу моем еще сорок осталось. А это почитай все воины графской усадьбы, и тревожно от осознания этого стало, от серьезности, с коей готовились к бою, от сил, задействованных.

– Многовато, – задумчиво произнес водяной.

Мы с ним устроились у заводи, так чтобы и я связь с лесом своим не теряла, и он в прямом контакте с рекой был.

– Но действуют по-умному, – добавил Водя же.

И не признать его правоту было невозможно – анчутки быстрые, верткие, мчались гибко, словно рыбы в воде, размывались призрачными силуэтами пролетая сквозь деревья, и воплощались в свое истинное тело, едва преграда преодолевалась. Серой сверкающей в свете поднимающейся луны стайкой, влетели они в Гиблый яр, и раздался вой, страшный вой нежити. Анчуткам не нужна была кровь, они питались соком древесным, но... не тогда, когда на ночном небе восходила луна, и завывала нежить вовсе не от ужаса, скорее от боли.

– Ворон, родненький, – попросила я.

И взмыли в небеса совы, позволяя увидеть происходящее.

Анчутки, серебристые, быстрые, изворотливые, скользили между ходами, увивали от нападающих мертвяков, и вгрызались в тварей, тех единственных, в ком среди всей нежити кровь текла. И от того, у тварей, полностью поглощенных спасением собственной шкуры, не было ни возможности, ни сил противостоять вторжению вампиров.

Гырнула на территорию Гиблого яра шагнул первым. Сверкнула в свете луны серебром закаленная сталь, и упал наземь, удивленно делящийся на две половинки ходок, следом в яр вступили телохранители графа, после стража. Тихий страшный бой – вампиры сражались безмолвно, мертвяки те вообще по обыкновению молчаливы, а вот твари орал уже в отдалении, улепетывая в попытке избавиться от атакующих их анчуток. Те большого вреда принести не могли, но они как маленькие рыбки-пираньи атаквали и рвали тварей на пусть и мелкие, но части.

Свист, тихий свист графа Гырнулы, и он со своим отрядом отступает к берегам реки, а второй вампирский отряд вступает на мост.

И вроде хорошо же все, получается вот, правильно так... а у меня сердце сжимается от тревоги, едва дышать могу.

– Второй мост, – попросила я водяного.

Тот коснулся воды и поделилась та на две живые картины – на первой все так же сражались вампиры, а вот на второй лишь вступили в бой волкодлаки. В звериную форму не перекидывались, шли с оружием, но не с мечами, а с шипастыми железными дубинами. И в лес они вошли первые, тоже лишь группой в одну треть, а уж потом по мосту бросились бежать ауки. Ауки смешные, на деревянных человечков похожи, только кряжистые как леший, но проказники похлеще любого лешего будут, кикиморы и те им уступают. А еще никто не умеет прыгаться так, как ауки – вот они бежали по мосту, смешные да забавные, а вот уже прыгают с моста в лес едва заметным дымком, как от свечи погасшей. И проявляются так же – дымком, из которого человечками проступают, да и проказничать начинают тут же и разнесся, раздался по Гиблому яру веселый крик «Ау».

«Э-ге-гей!» – добавили вампиры.

«Уууу!» – взвыли волкодлаки.

И зашумел, загудел Гиблый яр, затрещали ветки под ногами нежити, засветились светом призрачно-зеленым личи и твари... сколько ж магов здесь погибло? Много, слишком много, как оказалось.

– Веська, ногти не грызи, – укорил водяной.

Я кивнула, да и... за другой ноготь взялась. Не нравилось мне творящееся, ох и не нравилось. И вдруг ни с того ни с сего, от кустов ближайших потянулась лоза, к ладони прикоснулась листочком, и Ярина передала мне картину страшную – под луной, в лунном свете казавшиеся лишь тенями, рывками мчались к Гиблому яру два леших-мертвяка.

– Ох ты ж, Сила лесная! – выругалась я.

Делать что? Что делать то?!

Если эти лешаки в Гиблый яр прорвутся, нам его вовек не одолеть!

Никак! Ни коим образом!

И замерла я, встревожено, то на вампиров с волкодлаками глядя, то закрывая глаза, чтобы увидеть то, что Ярина показывала.

Лешаки, двое! Что делать?!

У Ярины сил противостоять лешакам не хватит, ослабела она вконец, все что есть – лишь поросль терновника в степи перед Гиблым яром, да такой лешаков не остановит. Я бы могла, да не как ведунья, а как ведьма... только не выйдет, на такое расстояние я не перенесусь, метлу коли достану... это ведь через Гиблый яр перелететь надобно, а нет уверенности, что сдую.

Что мне делать?!

– Веся, случилось что? – спросил Водя.

– Случилось, – я уж и губы кусать нервно начала. – К Гиблому яру два лешака мчатся, а коли присоединятся они к ведуньям мертвым, сила их неодолима станет.

Водя подскочил тут же. Постоял, на Гиблый яр взираючи да и с просил:

– Лешаки где?

– Степь, – ответила сдавленно. – Там ни ручья ни речки, Водь, нет там власти твоей.

– Моей нет, – был вынужден признать он, – но что если...

И осекся. И опустил на берег заводи, рядом со мной. В одинаковом положении мы с ним были – нам свою жизнь нужно было беречь. Пуще ока беречь.

Я отпустила лиану Ярины, поднялась и сказала:

– К аспиду сгоняю.

И тропу заповедную своей силой открыла, клюка то у лешего осталась. Но обманула я Водю – путь не к аспиду, к избушке своей путь открыла. В нее вбежала, на домового не взглянув, блюдце серебряное достала, яблоко по нему наливное направила, да и имя назвала, то, что называть бы не стоило:

– Агнехран.

И случилось что-то с блюдцем, помутнело оно, опосля посветлело, и на меня посмотрел маг. Молоденький совсем. Глаза сурьмой подведены, как у всех магов, волосы зализаны в нижний хвост, на груди символ огня, значит огневик, а это значит – боевой маг. И вот он, паренек этот, голову склонил, приветственно, и произнес:

– Здравия вам, госпожа лесная ведунья. Лорд Агнехран в данный момент недоступен, но мне приказано отвечать на все ваши призывы. Чем я могу вам помочь?

Смутилась я. Засмутилась даже. Маг был такой, как... из прошлой жизни. Молодой, вежливый, еще не было в нем магового надменства, не было тщеславия, еще горело в глазах желание помогать людям, менять жизнь к лучшему с помощью магии, и еще был он такой... человечный.

Да не надолго... аккуратно до первого посвящения, а после все они меняются, и не в лучшую сторону.

И отступило мое смущение, перед объективной реальностью, улыбнулась с грустью затаенной, да и перешла к делу, некогда размусоливать.

– Уважаемый архимаг сообщил, что вы лешаков, спешащих к Гиблому яру, останавливаете, – произнесла, полувопросительно.

– Так точно, – поспешно ответил вьюноша. – У вас есть новая информация по данному предмету?

Ага, полно.

– Два леших, – произнесла я, касаясь серебряного блюда двумя пальцами.

Парень смутился, не ведая, что это делается, чем вызвал вздох мой укоризненный и сказать пришлось:

– Жест мой повторите, господин маг.

– Данир, – от чего-то представился то.

Забавный. Обычно-то маги полным именем представляются, с гордостью непомерной, а этот какой-то вконец человечный, непривычно даже.

– Мне без разницы, – отрезала грубо. – К пальцам моим прикоснитесь, господин маг.

Тот покраснел, руку протянул было в перчатку затянутую, да тут же заметил оплошность, стянул неловко с рук, протянул ладонь, прикоснулся к моим пальцам через серебряное блюдо и вздрогнул. Да и мне поплохело – два лешака, что пробирались к Гиблому яру, единственными не были! На карте, которую невольно в силу неопытности показал мне маг, лешаков имелось семеро. И всех их сейчас брали, с боем, огнем, отрядами целыми, и эти двое – с ними получается лешаков девять всего как оказалось!

А с магами... с магами проблема имелась, там всего трое архимагов оказалось, четверо магистров, и вот они возглавляли каждый отряд, лешаков бравший, а простым магам, увы, с лешаками не совладать. И еще что удивило меня – не было нигде архимага Агнехрана. Не увидела я его. По силе он сверкал бы ярче всех, но не было его среди сражающихся... где-то на севере блеснул на миг и пропал вдруг, а я карту видеть перестала.

– Ппппростите, – маг, на моих глазах краснеющий так, словно прямо сейчас получал нагоняй от руководства, руку отнял от блюда мгновенно, и пробормотал: – Разберемся сейчас. Спасибо за информацию. И, это... если вам что-то потребуется, что угодно, я... мы... полное содействие, и лорд Агнехран он вас...

Связь прервалась.

А я, глаза зажмурив, потянулась к ощущению лесов своих, карту мысленно прикинула, да и... если тот всплеск сияния, что уловила невольно, к карте моей приложить, то... кажется... но это не точно, что где-то на севере моего Заповедного леса сейчас находился архимаг Агнехран!

Сама не заметила, как вскочила, на себя почему-то в зеркало глянула, волосы причесала вообще от чего неведомо, да и с разбегу, прямо из избы рывком перенеслась к лешему и аспиду, да своею силушкой, клюка то у лешего была.

Да неловко тропой заповедной воспользовалась, выскочила аккурат позади аспиды, и в него влетела бы со всей дури ведьмовской, да леший, друг сердешный, от той беды удержал, правда и с ним столкновение тем еще удовольствием было – быть теперь шишке у меня на лбу, вот точно быть.

– Веся, случилось чего? – встревожено леший спросил.

– Случилось? – спросила, шишку потирая. – Да нет, ничего.

А сама в сторону, да и давай оглядываться.

И своим зрением, и змеиным, и совиным, и к земле ладонь приложила, и даже ухо прижала следом.

– Весь... – напряженно леший позвал.

– Одну секундочку, лешинька, – отозвалась я, вторым ухом к земле прикладываясь.

Никого!

То есть вот он аспид, вот мой леший, вот моровики призрачными покрывалами колыхаются, а архимагов никаких тут нетушки!

– Все ли в порядке с тобой, хозяйка лесная? – с легкой насмешкой в голосе, спросил аспид.

Глянула на него сурово, ухо от земли оторвав, да и снова к земле припала.

– Все хорошо, – ответила раздраженно.

Но на том не успокоилась.

Встала на колени, быстро пальцем круг нарисовала, в нем пентаграмму алхимическую, и ударив по ней ладонью раскрытую, произнесла магическое:

– *Er perspicuitat!*

Пентаграмма вспыхнула сине-фиолетовым всполохом, по лесу моему разошлась эхом магического колебания, да и вернулась.

Не было тут никого.

Все кто был, со мной рядом стояли, наперечет каждого назвать могла. Села я, как была, прямо там и села, задумалась крепко.

Оно конечно как – показаться могло. Определенно могло, потому как я карту пространственную глазами того молоденького мага видела, возможно сам Агнехран там рядом был, может в шагах десяти, или за стеной, тогда свечение объяснимо. Потому как будь он здесь, я бы увидела. И на территории всего моего Заповедного леса – увидела бы. У меня увидеть много возможностей было – и ведьмовской силой, и птичьим взором, и силой ведуньи, и деревьями, и даже сырой землей матушкой. А как все эти возможности результата не принесли, вот до запрещенной магии опустилась. И все равно ничего.

– Послушай, хозяйюшка, – вдруг произнес аспид, – а не подскажешь ли, что это сейчас тут было?

Глянула я на аспиды, да и соврала непосредственно, аки дитя невинное:

– А так, силушку лесную применила.

Поднялась легко, платье отряхнула, кашлянула смущенно, да и спросила то, о чем вот с момента боевых действий и думаю:

– Вопрос меня тревожит один, аспидушка, от чего ты вампиров оставил с анчутками? И те и другие опасны, да кровососущи, хотя анчутки по правде говоря плотъедуши, но не суть. А вот волкодлаков отправил с ауками. По правде сказать, сие странным мне показалось. Ну что ауки могут-то, кроме как в смятение врага ввести, сутолоку с паникой посеять? Да и волкодлаки-то, в своей человеческой форме, не так уж и опасны. Скажешь чего может?

Аспид странно на меня посмотрел. Опося на контур алхимический, который еще слегка светился светом магическим. Ну я так остороженько тувелькой и притоптала сияние как огонь потушив, вроде как и не было ничего, и опять взглядом большим вопрошающим на аспиды воззрилась.

Тот на меня все так же глядит. Темный весь, страшный, только глаза синие, даже в сумраке.

Но вздохнул, да и сообщил мне, недогадливой:

– Ты правильно подметила, хозяйшка лесная, вампиры с анчутками сила опасная, а вот волкодлаки с ауками – скорее отвлекающая. От того нежить основной удар сосредоточит на отряде Гыркулы, и таким образом максимально отдалится от севера, и исходной точки моего удара. Еще вопросы?

Головой покачала отрицательно, а на душе тревожно то все равно.

– Два лешака прорываются к Гиблому яру, – сообщила, через реку на темный лес взираючи. – Магов уведомила, авось и перехватят. Сама... не могу.

– Сама и не лезь! – вдруг как-то резко, приказным тоном произнес аспидушка.

Я аж вздрогнула, да поглядела на него не то чтобы испуганно – недоуменно скорее, да подозрительно.

Осознал аспидушка, что не на ту ведьму голос повысил, склонил голову, да промолвил покаянно:

– Прости, лесная хозяйка, время перед боем, нервы на пределе. Однако повторюсь – сама не лезь. Погибнешь ты – падет твой лес, вслед за ним и река с водяным. А тогда не останется у всей нечисти и шанса на выживание. На тебе сейчас все держится. И коли мы потерпим неудачу, у тебя иных воинов новый отряд завсегда найдется, а коли тебя не станет...

– О том ведаем! – перебил его леший.

И меня спросил со значением:

– Весенька, тебе тропу заповедную к избе открыть?

– Да нет, – вздохнула печально, – к Заводи.

– Водя с тобой, – тут же догадался леший.

Кивнула.

На душе грустно, муторно и страшно. И уходить страшно тоже – не знаю, что аспид задумал, знаю что в два полуночи вытащу его, хочет он того или нет, а уходить все равно... боязно.

И тут аспидушка вдруг спросил, да проникновенно так, вкрадчиво:

– С водяным стало быть, ночь коротать будешь?

– С кем же еще, – отмахнулась раздраженно.

Помолчала, на реку взглянув, да и за реку тоже, и все же сказала:

– Ты, аспидушка, свое дело знаешь, я понимаю, да только и ты меня пойми – не могу я вот так вот, вас, войско свое, оставлять без пригляду на растерзание. Не могу, не по мне это. Контролировать буду, и я и водяной, коли потребуется – поможем, чем сможем. Но одних не оставим.

Сверкнули глаза аспиды, да так, что я на реку глядеть перестала, на него воззрилась недоуменно, да тут господин Морут вмешался. Подплыл, приведением жутким, между мной и аспидом остановился, да и молвил:

– Вампирам и волкодлакам, коли сочтешь нужным, помоги, твоя воля, а вот в наш бой, хозяйка лесная, вмешиваться не смей. Все обсудили, все оговорили, обо всем ведаем. С нами бадзулы и злыдни, сама ведаешь – на многое способны. И неуязвимы. В нашем бою, твое вмешательство, хозяйшка, только вред принесет.

И не скажешь ведь ничего.

Молча отступила я от Морута, молча леший мне тропу к заводи открыл, молча к водяному вышла я.

Водяной чистил кедровые орешки, и передавал мне, видимо, чтобы уберечь мои ногти. Мудрый ворон молча клевал мясо, да с таким видом, что мы даже не спросили откель взял-то.

Ученый кот терзал рыбу – водяной ему пожаловал. Домовой жевал поганки, целое лукошко откуда-то принес.

Мы... нервничали.

Было от чего – вампиры несли потери. И не одни они – анчутки тоже. Всего происходящего в лесу мы не видели, совиное зрение штука ограниченная, а обзор предоставленный летучими мышами был не то чтобы лучше, но хотя бы был... до тех пор, пока нежить не начала атаковать подсланных нами летучих мышей. Пришлось отозвать и лечить.

Вампиров лечили тоже, как могли, так и лечили. Пока могли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.